

СЛОВО СЯТИТЕЛЯ АФАНАСИЯ ВЕЛИКОГО О ВОПЛОЩЕНИИ БОГА — СЛОВА И О ПРИШЕСТВИИ ЕГО К НАМ ВО ПЛОТИ

1) В предыдущем слове¹, из многого взяв не многое, но в достаточной мере, рассуждали мы о заблуждении язычников касательно идолов, о сусернии их, и о том, как изобретено оно в начале, именно же, что люди по испорченности своей вымыслили для себя поклонение идолам; а также, по благодати Божией, предложили нечто и о Божестве Отчего Слова, о промышленности и силе Его во вселенной, именно же, что Им благоустрояет все благий Отец, по Его мановению приводится все в движение, и о Нем оживотворяется. Теперь же, блаженный и востину христолубивый, будем, согласно с благочестивой верой, говорить о вочеловечении Слова, и Божественное Его к нам пришествие (на что иудеи клеветают, над чем эллины издеваются, и чему мы поклоняемся) постараемся объяснить так, чтобы видимое уничтожение Слова тем паче возбудило в тебе большее и сильнее к Нему благоговение. Ибо чем большему осмеянию подвергается Оно неверными, тем убедительнейшее представляет свидетельство о Божестве Своем. Чего не постигают люди, находя то невозможным, о том доказывает Оно, что это возможно; над чем издеваются люди, как над неприличным, то, по благодати Своей, делает Оно благолепным; что люди ухищренно осмеивают, как человеческое, в том силой Своей дает Оно видеть Божественное. при мнимом Своем уничтожении, крестом низлагая идольское мечтание, издевающихся же и неверующих невидимо убеждая признать Божество Его и силу.

При изложении же нами всего этого, надобно тебе содержать в памяти сказанное прежде, чтобы, как быть в состоянии уразуметь причину явления во плоти столь великого. Отчего Слова, так не подумать, будто бы Спаситель принял на Себя тело по естественному порядку, но утвердиться в той мысли, что Он (Спаситель) по естеству бесплотен и есть Слово, однако же, по человеколюбию и благодати Отца Своего, для нашего спасения явился нам в человеческом теле. А нам, ведя рассуждение об этом, прилично будет сказать наперед о сотворении вселенной и о Создателе ее Боге, чтобы таким образом всякий мог видеть, как сообразно было обновлению твари совершиться Словом, создавшим ее в начале. Ибо в этом не окажется никакого противоречия, если Отец тем же Словом, Которым создал тварь, соделал и ее спасение.

2) Создание мира и сотворение вселенной многие объясняли различно, и каждый, какое хотел, такое и составлял об этом понятие.

Одни говорят, что всё произошло само собою и случайно. Таковы эпикурейцы, которые баснословят против себя, что нет и Промысла во вселенной, утверждая это прямо вопреки очевидному и видимому. Ибо если, как они утверждают, все произошло само собой без Промысла, то надлежало всему произойти однообразно и быть подобным, а не различным; во вселенной, как в едином теле, надлежало всему быть солнцем или луной, и у людей надлежало целому телу быть или рукой, или глазом, или ногой. Теперь же этого нет, но видим, что одно — солнце, другое — луна, а иное — земля, и в человеческих также телах одно — нога, другое — рука, иное — голова. А таковой распорядок дает знать, что произошло это не само собой, даже показывает, что предшествова-

¹ Святитель Афанасий имеет в виду свое «Слово на язычников».

ла этому причина, из которой можно уразумевать и приведшего в порядок и сотворившего вселенную Бога.

Другие же, и в числе их великий у эллинов Платон, рассуждали, что Бог сотворил вселенную из готового и несотворенного вещества; потому что Богу и не возможно было бы сотворить что-либо, если бы не было готового вещества, как и у древодела должно быть готовое дерево, чтоб мог он сработать что-нибудь. Но утверждающие это не знают, что приписывают тем Богу бессилие. Если не сам Он — виновник вещества, но, вообще, всякое существо творит из вещества готового, то явно, что Он бессилен, потому что ничего действительного не в состоянии произвести без вещества, как и в древоделе, без сомнения, бессилие его — причиной, что, не имея у себя дерева, не может сделать никакой нужной вещи. И в этом предположении, — что, если бы не было вещества, то Бог и не произвел бы ничего, — можно ли уже творцом и создателем назвать того, кто возможность творить получил от другого, именно же от вещества? Если допустить это предположение, то, по словам их, Бог будет только художник, а не творец бытия, если Он обрабатывает готовое вещество, а не сам — виновник и вещества. Вообще не может быть назван Он творцом, если не творит и того вещества, из которого произошло сотворенное.

А еретики вымышляют себе иного Создателя вселенной, кроме Отца Господа нашего Иисуса Христа, и в слепоте своей много о сем велепечат. Господь говорит иудеям: *Несте ли чли, яко сотворивый искони мужеский пол и женский, сотворил я есть? И рече: сего ради оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину* (Мф. 19, 4, 5); потом, указывая на Творца, говорит еще: *еже Бог сочета, человек да не разлучает* (6). Как же они вводят тварь, чуждую Отцу? Если и по словам Иоанна, который все объемлет словом своим, *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть* (Ин. 1, 3); то как возможен иной Создатель, кроме Отца Христова?

3) Так они баснословят; божественное же учение и вера Христова отвергает их суесловие, как безбожие. Оно признаёт, что вселенная не сама собой произошла, потому что есть о ней Промысл, и не из готового вещества сотворена, потому что Бог не бессилен, но из ничего вовсе не существовавшую прежде вселенную привел в бытие Бог Словом, как сказано Моисеем: *в начале сотвори Бог небо и землю* (Быт. 1, 1). И в весьма полезной книге «Пастырь» говорится: «прежде всего веруй, что един есть Бог, Который сотворил, устроил и привел в бытие вселенную из ничего». Это же давая разуметь, и Павел говорит: *верою разумеваем совершится веком глаголом Божиим, во еже от неявляемых видимых быти* (Евр. 11, 3). Бог благ, лучше же сказать, Он — источник благодати. В благом же ни к кому не может быть зависти. Посему, никому не позавидовав в бытии, из ничего все сотворил собственным Словом Своим, Господом нашим Иисусом Христом.

Преимущественно же пред всем, что на земле, сжалившись над человеческим родом и усмотрев, что по закону собственного бытия не имеет он достаточных сил пребывать всегда, Бог даровал людям нечто большее: не создал их просто, как всех бессловесных животных на земле, но сотворил их по образу Своему, сообщив им и силу собственного Слова Своего, чтобы, имея в себе как бы некие оттенки Слова и став словесными, могли пребывать в блаженстве, живя истинной жизнью, и в подлинном смысле — жизнью святых в раю. Но зная также, что человеческое произволение может пресклоняться на ту и другую сторону, — данную людям благодать предварительно оградил законом и местом; ибо, введя их в рай Свой, дал им закон, чтобы, если сохранят благодать и пребудут *добры*, то, кроме обетования им бессмертия на небесах, и жизнь их в раю была беспечальна, безболзненна и беззаботна; а если впадут в преступление, и переменявшись сде-

лаются худы, наперед знали о себе, что в смерти претерпят естественное тление, и не будут жить болсе в раю, но, умирая уже вне его, останутся в смерти и тлении. На это же указывает и Божественное Писание, говоря от лица Божия: *от всякаго древа, еже в раи, снєдию снєси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снєсте от него; а в оньже аще день снєсте от него, смертию умрете* (Быт. 2, 16, 17). Смертию же умрете, что иное значит, как не только необходимость умереть, но и оставаться в тлении и смерти?

4) Дивишься, может быть, почему, предположив говорить о вочеловечении Слова, рассуждаем теперь о начале людей. Но и это не чуждо цели нашего рассуждения. Говоря о пришествии к нам Спасителя, необходимо нам сказать и о начале людей. Из этого узнаешь, что наша вина послужила поводом к Его пришествию, и нашим преступлением вызвано человеколюбие Слова, чтобы Господь пришел к нам и явился среди людей. Мы стали побуждением к Его воплощению; для нашего спасения показал Он столько человеколюбия, что принял на Себя человеческое тело и явился в нем.

Так Бог сотворил человека и возжелал, чтобы пребывал он в нетлении. Но люди, вознерадев и уклонившись от устремления ума своего к Богу, остановившись же мыслию на злом и измыслив себе его (как сказано об этом в первом слове), подверглись тому смертному осуждению, каким предварительно угрожал им Бог, и не остались уже такими, какими были созданы, но как помыслили, так и растлились, и смерть, воцарившись, овладела ими; потому что преступление заповедей возвратило их в естественное состояние, чтобы, как сотворены были из ничего, так и в самом бытии, со временем, по всей справедливости потерпели тление. Ибо, если, некогда по природе быв ничто, призваны в бытие явлением и человеколюбием Слова, то следовало, чтобы в людях, по истощании в них понятия о Боге и по уклонении к не-сущему (ибо злое есть не-сущее, а доброе есть сущее, как происшедшее от сущего Бога), истощилось и продолжающееся навсегда бытие. А это и значит — разрешившись оставаться в смерти и тлении. Ибо человек, как сотворенный из ничего, по природе смертен; но, по причине подобия Сущему, если бы сохранил оное устремлением к Нему ума своего, мог замедлять в себе естественное тление, и пребыл бы нетленным, как говорит Премудрость: «хранение законов — утверждение нерастления» (Прем. 6, 18). Будучи же нетленным, он жил бы уже как Бог, о чем дает разуметь и Божественное Писание, говоря в одном месте: *Аз рех: бози есте и сынове Вышняго вси; вы же яко человецы умираете, и яко един от князей падаете* (Пс. 81, 6, 7).

5) Бог не только сотворил нас из ничего, но, по благодати Слова, даровал нам и жизнь по Богу. Но люди, уклонившись от вечного и по совету дьявола обратившись к тленному, сами для себя стали виновниками тления в смерти; потому что, как сказано выше, по природе они были тленны, но свойственного им по природе избегли бы по благодати, как причастники Слова, если бы пребыли добрыми; по причине соприсущего им Слова, не приблизилось бы к ним естественное тление, как говорит и Премудрость: *Бог созда человека в неистление, и во образ собственности Своей вечности: завистию же дьяволею смерть вниде в мир* (Прем. 2, 23, 24). Когда же совершилось это, — люди стали умирать и тление сильно воздействовало уже в них, превозмогая над всем человеческим родом, в большей еще мере, нежели сколько было это естественно, поколику, вследствие преступления заповедей, воспользовалось оно против них и Божией угрозой, да и сами люди в прегрешениях своих не остановились на известных пределах, но, постепенно простираясь далее, преступили, наконец, всякую меру. Быв в начале изобретателями зла и сами на себя призвав смерть и тление, впоследствии же совратившись в неправду, отваживаясь на всякое беззаконие

и не останавливаясь на одном худом деле, но непрестанно к новым худым делам примышляя еще новые, люди соделались ненасытимыми во грехе. Повсюду были прелюбодеяния и татьбы; вся земля наполнилась убийствами и хищениями. У закона не было заботы о растлении и неправде. Всякое злое дело совершаемо было и каждым порознь и всеми сообща. Города вели войну с городами; народы восставали против народов; вся вселенная раздираема была мятежами и раздорами, потому что всякий оказывал соревнование в беззаконии. Не далеко было от этого и противоестественное, но как сказал свидетель Христов Апостол: *Жены бо их измениша естественную подобу в презъестественную: такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотию своею друг на друга, мужи на мужех студ содевающе, и возмездие, еже подобаше прелести их, в себе восприемлюще* (Рим. 1, 26, 27).

6) Когда же смерть более и более овладевала чрез это людьми и тление в них оставалось, тогда род человеческий растлевался, словесный же и по образу созданный человек исчезал, и Богом совершенное дело гibly; потому что, как сказано выше, смерть превозмогла над нами по силе уже закона, и невозможно было избежать закона, так как он, по причине преступления, постановлен был Богом. Выходило нечто, в подлинном смысле, и ни с чем несообразное и вместе неприличное. Ни с чем несообразно было Богу, изрекши слово, солгать, и человеку, когда узаконено Богом, чтобы он, если преступит заповедь, смертью умер, не умирать по преступлении, слову же Божию остаться нарушенным. Тогда не было бы в Боге правды, если бы, когда сказано Богом, что умрешь, человек не умер. Но также и неприлично было, чтобы однажды сотворенные разумные существа и причастные Слова Его погibili, и чрез тление опять обратились в небытие. Это не достойно было бы благодати Божией, чтобы сотворенное Богом растлевалось от обольщения людей диаволом. С другой стороны, всего неприличнее было в людях, или по собственному их нерадению или по бесовскому обольщению, уничтожиться Божию художеству.

Итак, когда истлевали словесные твари и гibili такие Божии произведения, что надлежало сделать Богу, Который благ? Попустить ли, чтоб тление над ними превозмогло и смерть ими обладала? Какая же была нужда сотворить их в начале? Надлежало бы лучше не творить, нежели сотворенным оставлять непризнанными и гибнуть. Если Бог, сотворив, оставляет без внимания, что произведение Его истлевет, то из такого нерадения в большей мере познаётся бессилие, а не благодать Божия, нежели когда бы не сотворил Он людей в начале. Если бы не сотворил, то никто и не подумал бы вменять этого в бессилие. А когда сотворил и привел в бытие, вовсе было бы ни с чем несообразно гибнуть произведениям, и особенно в виду Сотворившего. Итак, надлежало не попускать, чтоб люди поглощались тлением, потому что это было бы неприлично Божией благодати и не достойно ее.

7) Но как и сему надлежало быть, так, с другой опять стороны, противопологалась тому справедливая в Боге причина — пребыть ему верным законоположению Своему о смерти. Ибо для нашей же пользы и для нашего сохранения ни с чем несообразно было оказаться лжецом Отцу истины — Богу. Итак, чему надлежало быть в этом случае, или что надобно было соделать Богу? Потребовать у людей покаяния в преступлении? Это можно бы признать достойным Бога, рассуждая, что, как преступлением впали люди в тление, так покаянием достигли бы опять нетления. Но покаянием не соблюлась бы справедливость в отношении к Богу. Опять не был бы Он верным Себе, если бы смерть перестала обладать людьми. Притом покаяние не выводит из естественного состояния, а прекращает только грехи. Если бы прегрешение только было, а не последовало за ним тления, то прекрасно было бы покаяние.

Если же люди, вследствие предшествовавшего преступления, однажды сделались подвластными естественному тлению и утратили благодать Божия образа, то чему иному надлежало совершиться? Или в ком ином была потребность для возвращения таковой благодати и для воззвания человеков, кроме Бога — Слова, из ничего сотворившего вселенную в начале? Ему принадлежало — и тленное привести опять в нетление, и соблюсти, что всего справедливее было для Отца. Поелику Он — Отчее Слово и превыше всех, то естественным образом Он только один мог всё воссоздать, Он один довлек к тому, чтобы за всех пострадать и за всех ходатайствовать пред Отцом.

8) Посему-то бесплотное, нетленное, невещественное Божие Слово приходит в нашу область, от которой и прежде не было далеким; потому что ни одна часть творения не осталась лишенной Его, но, пребывая с Отцом Своим, наполняет Оно и всю вселенную во всех частях ее. Но приходит, снисходя Своим к нам человеколюбием и явлением среди нас. И видя, что словесный человеческий род гибнет, что смерть царствует над людьми в тлении; примечая также, что угроза за преступление поддерживает в нас тление, и несообразно было бы отменить закон прежде исполнения его; примечая и неприличие совершившегося, потому что уничтожалось то, чему само Оно было Создателем; примечая и превосходящее всякую меру злонаравие людей, потому что люди постепенно до нестерпимости увеличивали его ко вреду своему; примечая и то, что все люди повинны смерти, — сжалилось Оно над родом нашим, умилилось над немощию нашей, снизошло к нашему тлению, не потерпело обладания смерти, и чтоб не погибло сотворенное, и не оказалось напрасным, что соделано Отцом Его для людей, — приемлет на Себя тело, и тело нечуждое нашему. Ибо не просто восхотело быть в теле и не явиться только пожелало. А если бы восхотело только явиться, то могло бы совершить Свое Богоявление и посредством иного совершеннейшего. Но приемлет наше тело, и не просто, но от пречистой, нерастленной, неискусомужней Девы, тело чистое, нисколько неприкосновенное мужескому общению. Будучи Всемощным и Создателем вселенной, в Деве уготовляет в храм Себе тело, и усваивает Себе оное, как орудие, в нем давая Себя познавать и в нем обитая. И таким образом, у нас заимствуя подобное нашему телу, потому что все мы были повинны тлению смерти, за всех предав его смерти, приносит Отцу. И это совершает Оно по человеколюбию для того, чтобы, с одной стороны, поелику все умирали, закону об истлении людей положить конец тем, что власть его исполнилась на Господнем теле и не имеет уже места в рассуждении подобных людей; а с другой стороны, людей обратившихся в тление снова возвратить в нетление и оживотворить их от смерти, присвоением Себе тела и благодатью воскресения уничтожая в них смерть, как солому огнем.

9) Слово знало, что тление не иначе могло быть прекращено в людях, как только непременною смертью; умереть же Слову, как бессмертному и Отчему Сыну, было невозможно. Для сего-то самого приемлет Оно на Себя тело, которое бы могло умереть, чтобы, как причастное над всеми Сущего Слова, довлекло оно к смерти за всех, чтобы ради обитающего в нем Слова пребыло нетленным и чтобы, наконец, во всех прекращено было тление благодатью воскресения. Потому, воспринятое Им на Себя тело принося на смерть, как жертву и заклание, свободное от всякой скверны, этим приношением сходственным во всех подобных уничтожило немедленно смерть. Ибо Слово Божие, будучи превыше всех, и Свой храм, Свое телесное орудие, принося в искупительную за всех цену, смертью Своей совершенно выполнило должное, и таким образом, посредством подобного тела со всеми сопребывая, нетленный Божий Сын, как и следовало, всех облек в нетление обетованисм воскресения. И самое тление в смерти не имеет уже власти над людьми.

ради Слова, вселившегося в них посредством единого тела. Когда пришел Он (Царь вселенной) в нашу область и вселился в одно из подобных нашим тел, тогда прекратились, наконец, вражеские злоумышления против людей, уничтожилось тление смерти, издревле над нами превозмогавшее. Ибо погиб бы род человеческий, если бы Владыка и Спаситель всех, Сын Божий, не пришел положить конец смерти.

10) И это великое дело, подлинно, всего более приличествовало Божией благодати. Если царь, построив дом или город, когда по нерадению живущих в нем, нападут на него разбойники, не оставляет его вовсе без призрения, но защищает и спасает, как собственное свое произведение, взирая не на нерадивость жителей, но на то, что прилично ему самому, то тем паче всеблагий Бог, Отчее Слово, когда сотворенный Им род человеческий снизшел в тление, — не презрел его, но привзошедшую смерть стер приношением собственного Своего тела, нерадение же людей исправил Своим учением, все человеческое исполнив Своей силой. Удовлетворение же в этом может всякий найти у Богословов самого Спасителя, читая в писаниях их, когда говорят: *ибо любы Христово обдержит нас суждших сие: яко аще Един за всех умре, то убо вси умроша, и за всех умре, да не ктому себе живем, но за нас умершему и воскресшему от мертвых Господу нашему Иисусу Христу* (2 Кор. 5, 14, 15). И еще: *а умаленного малым чим от Ангел видим Иисуса, за приятие смерти, славою и честию венчанна, яко да благодатию Божиею за всех вкусит смерти* (Евр. 2, 9). Потом Писание показывает и причину, почему надлежало вочеловечиться не иному кому, но самому Богу Слово, говоря: *подобаше бо Ему, Егоже ради всяческая и Имже всяческая, приведшу мнози сыны в славу, начальника спасения их страданиями совершити* (10). А этими словами означает, что не иному кому следовало возвести людей от постигшего их тления, как Богу Слово, сотворившему их и в начале. И что само Слово приняло на Себя тело для принесения жертвы за подобные тела, это дают разуметь Писания, говоря: *понеже убо дети приобщахся плоти и крови, и Той преискренне приобщися техже, да смертию упразднит имуцаго державу смерти, сиречь, диавола, и избавит сих, елицы страхом смерти чрез все житие повинни беша работе* (14, 15). Ибо Слово, принесением в жертву собственного Своего тела, и положило конец осуждавшему нас закону, и обновило в нас начаток жизни, даровав надежду воскресения. Поелику от самого человека зависело, что смерть овладела людьми, то по сему самому вочеловечением Бога Слова снова произведено истребление смерти и восстание жизни, по слову христоносного мужа: *понеже бо человеком смерть бысть, и человеком воскресение мертвых: якоже бо во Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут*, и так далее (1 Кор. 15, 21, 22). Ибо ныне, уже не как осужденные умираем, но, как имеющие восстать, ожидаем общего всех воскресения, которое во время свое явит совершивший его и даровавший Бог.

Такова первая причина Спасителя вочеловечения. Но из следующего можно всякому дознать, что благое пришествие Его к нам имело и другие важные причины. ✓

11) Обладающий всеми Бог, когда собственным Словом Своим сотворил человеческий род, видя также немощь человеческого естества, а именно, что не имеет оно достаточных сил — само собой познать Создателя и вообще приобрести себе понятие о Боге, потому что Бог нерожден, а твари произошли из ничего, Бог бесплотен, а люди по телу созданы где-то долу, и вообще всему сотворенному многого недостает к уразумению и ведению Сотворшего, примечая, говорю, это и сжалившись опять над родом человеческим, как Благий, не оставил людей лишенными ведения о Нем, чтобы и самое бытие не сделалось для них бесполезным. Ибо какая польза быть сотворенными и не знать Творца

своего? Или как люди могли быть словесными, не зная Отчего Слова, Которым сотворены? Ничем не отличались бы они от бессловесных, если бы ничего не познавали, кроме земного. Для чего бы и создал их Бог, если бы не восхотел, чтоб они познавали Его? Посему-то, чтобы люди не оставались неведущими Бога, как Благий, сообщает им собственный Свой образ,— Господа нашего Иисуса Христа, и творит их по образу и по подобию Своему, чтобы при таковой благодати, представляя себе Образ, разумею же Отчее Слово, могли приобретать понятие о самом Отце и, познавая Творца, жить благополучной и подлинно блаженной жизнью.

Но несмысленные люди, вознерадев также и о такой данной им благодати, столько уклонились от Бога и до того омрачились в душе своей, что не только предали забвению понятие о Боге, но стали вымышлять себе одно вместо другого. Ибо вместо истины соорудили себе идолов, сущему Богу предпочли не-сущее, служа твари вместо Творца, а что хуже всего, честь Божию перенесли на деревья, на камни, на всякое вещество, и на людей, и делали еще худшее этого, как говорено было в предыдущем слове. Дошли же они до такого нечестия, что начали, наконец, поклоняться бесам и, выполняя их пожелания, наименовали их богами, и, непрестанно более опутываясь неистовыми страстями, какие возбуждали в них бесы, в угодность им (о чем говорено было прежде) стали приносить в жертву бессловесных животных и закалать людей. Потому обучались у них и волшебству; по местам обольщали людей прорицалища; причины рождения и бытия своего стали все приписывать звездам и всему, что на небе, ни о чем ином не помышляя, кроме видимого. Вообще, все исполнено стало нечестия и беззакония; только Бог и Слово Его не были познаваемы, хотя не скрывал Он Себя от людей в неизвестности и не простое дал им о Себе ведение, но многообразно и многократно раскрывал им оное.

12) Ибо хотя и благодать, сообщенная в образе Божием, достаточна была к тому, чтобы привести к познанию Бога — Слова, и чрез Него к познанию Отца, однако же Бог, зная немощь людей, промыслил о них и в случае их нерадения, чтобы, если и вознерадят познавать Бога в самих себе, не оставались в неведении о Создателе, имея пред очами дела творения. Послику же нерадение постепенно нисходило к худшему, то Бог не оставил опять без промысления Своего и таковую человеческую немощь, дав закон и послав к людям известных им Пророков, чтобы, если обленятся возвести взор на небо и познать Творца, близ себя имели учение, потому что люди всего ближе могут учиться лучшему у людей же. Итак, взирая на величие неба и рассматривая стройность творения, можно было людям познавать и Вождя твари — Отчее Слово, Которое Своим о всем промышлением всем дает познавать и Отца, и для того приводит вселенную в движение, чтоб все чрез Него познавали Бога. Или если и это было тяжело для них, то могли они беседовать со святыми и от них узнать Создателя всех Бога и Отца Христова, узнать, что поклонение идолам есть безбожие и исполнено всякого нечестия. А познав закон, можно им было также прекратить все беззакония и жить добродетельною жизнью. Ибо закон дан был не для одних иудеев, и не ради их одних посылались пророки, но хотя к иудеям они посылались и иудеями были гонимы, однакож для целой вселенной служили священным училищем ведения о Боге и внутренней жизни. Такова была Божия благодать, таково человеколюбие. Однако же люди, препобеждаемые минутными удовольствиями, бесовскими мечтаниями и прелестями, не возвели взора к истине, но обременяли себя еще большим числом зол и грехов, так что казались уже не словесными тварями, но по нравам можно было признать их бессловесными.

13) Посему, когда люди в такой мере обессловесились и бесовская

прелесть повсюду столько затмила и сокрыла ведение об истинном Боге, что надлежало соделать Богу? Прейти ли молчанием все это? Попустить ли, чтобы люди обольщаемы были демонами и не знали Бога? Какая же была нужда созидать человека в начале по образу Божию? Надлежало просто сотворить его бессловесным или сотворенному словесным не жить ему жизнью бессловесных. Какая вообще была потребность приобрести человеку понятие о Боге в начале? Если теперь недостойн он этого приобретения, то не надлежало давать ему и в начале. На что же было потребно это сотворшему Богу или какая в этом слава Ему, если сотворенные им люди не поклоняются Ему, но других признают творцами своими? Оказывается, что Бог создал их не для Себя, а для других. Царь, хотя и человек, однако же не попускает, чтобы основанные им города отдавались в рабство другим или прибегали к кому иному, но напоминает им писаниями, нередко же посылает к ним друзей, а если потребует нужда, приходит и сам пристыдить их, наконец, присутствием своим, только бы не раболепствовали они другим, и труд его не стал бы напрасен. Не тем ли паче поощадит Бог Свои твари, чтоб не уклонялись они от Него и не служили не-сущему, особливо же, когда такое уклонение делается для них причиною гибели и уничтожения? Не надлежало же погибнуть соделавшимся однажды причастниками Божия образа.

Итак, что должно было соделать Богу? Или чему надлежало совершиться, как не обновлению созданного по Образу, чтобы чрез этот Образ люди опять могли познать Бога? А это могло ли совершиться, если бы не пришел Сам Образ Божий, Спаситель наш Иисус Христос? Не могло совершиться это чрез людей, потому что сами они сотворены по образу; не могло — и чрез Ангелов; потому что и они не образы. Посему-то Божие Слово пришло самолично, чтобы Ему, как Отчему Образу, можно было воссоздать по образу сотворенного человека. С другой стороны, опять не совершилось бы это, если бы не были уничтожены смерть и тление. Посему-то Слову нужно было принять на Себя смертнос тело, чтобы Им, наконец, могла быть уничтожена смерть и люди опять обновились по образу. Итак, для дела сего не довел ни кто другой, кроме Отчего Образа.

14) Поелику написанный на дереве лик сделался невидным от внешних нечистот, то надобно было опять прийти тому, чей это лик, чтоб на том же веществе можно было возобновить изображение; ибо ради изображенного лика и самое вещество, на котором он написан, не бросается, но восстанавливается на нем лик. Подобно сему и всесвятый Сын Отца, как Отчий Образ, пришел в наши страны, чтобы обновить человека созданного по сему Образу, и как бы разыскать погибшего оставлением грехов, как и Сам говорит в Евангелиях: *прииде разыскати и спасти погибшаго* (Мф. 18, 11). Посему и чудеем сказал Он: *аще кто не родится* (Ин. 3, 3), не рождение от жены разумея, как они понимали, но означая возрождение и воссоздание в душе того, что по образу.

Поелику же идолобесие и безбожие овладели вселенною, и сокрыто стало ведение о Боге, то кому было научить вселенную об Отце? Если скажут — человеку, то невозможно было людям обойти всю подсолнечную; они по природе своей не были бы в состоянии совершить такой путь, не могли бы заслужить в этом и вероятия, не имели бы и достаточных сил, чтоб самим собою противостать такому бесовскому обольщению и мечтанию. Поелику все были душевно поражены и приведены в смятение бесовской прелестью и идольской тщетой, то как можно было людям переуверить человеческую душу и человеческий ум, когда не могли их и видеть? А чего не видит кто, может ли то преобразовать? Но, может быть, скажут, что для этого достаточно было твари. Но если бы достаточно было твари, то не произошло бы столько зол. Тварь была, но тем не менее люди погрязали в том же заблуждении о

Боге. Посему, в ком была опять потребность, как не в Боге — Слове, Который видит и душу и ум, всё в тварях приводит в движение, и чрез гварей дает познавать Отца? Тому, Кто собственным Своим промыслением и благоустроением вселенной учит об Отце, надлежало и возобновить это учение. Как же бы совершилось это? Скажут, может быть: это можно было совершить тем же способом, то есть снова показать делами творения, что нужно знать о Боге. Но это было уже мало надежно и вовсе ненадежно, потому что люди и прежде оставили это без внимания, и очи их устремлены были уже не горé, но долу.

Посему-то, желая оказать людям верную помощь, Слово Божие приходит как человек, приемля на Себя тело подобное телам человеческим, и помогает дольным, то есть телесными своими делами, чтобы те, которые не восхотели познать Его из промысления Его о вселенной и из управления ей, хотя из телесных Его дел познали Божие во плоти Слово, а чрез него и Отца.

15) Как добрый учитель, попечительный об учениках своих, снисходя к тем, которые не способны воспользоваться высшими познаниями, конечно, преподает им познания низшие, так поступило и Божие Слово, как говорит и Павел: *понеже бо в премудрости Божией не разумел мир премудростию Бога, благоизволил Бог буйством проповесть спаста верующих* (1 Кор. 1, 21). Поелику люди, уклонившись от умозрения о Боге и как бы погрузившись во глубину, устремляя очи долу, взыскали Бога в вещах раждающихся и чувственных, воображая себе богами людей смертных и демонов, то человеколюбивый и общий всех Спаситель, Божие Слово, приемлет на себя тело, как человек живет среди людей и обращает на Себя чувства всех людей, чтобы предполагая Бога в телесном из того, что Господь производит телесными Своими делами, уразумели истину, и чрез Него дошли до мысли об Отце, и чтобы они, как люди, имея в мысли все человеческое, увидели, что куда ни обратят чувства свои, везде предупреждены этими делами и все научает их истине. Если изумевали пред тварью, то увидят, что тварь исповедует Христа Господа. Если мысль их была предупреждена в пользу людей, и их почитали они богами, то из дел Спасителя, сравненных с делами человеческими, соделается явным, что единственный у людей Спаситель — Божий Сын; потому что у признаваемых богами нет таких дел, какие совершены Божиим Словом. А если были предупреждены в пользу демонов, то видя, как Господь изгоняет их, познают, что он один есть Божие Слово, а демоны — не боги. Если же ум их был занят людьми уже умершими, и потому поклонялись они героям и тем, кого стихотворцы наименовали богами, то, видя воскресение Спасителя, исповедуют, что те боги ложны и что один истинный Господь — Отчее Слово, владычествующее и над смертью. Для сего-то Господь и родился, и явился человеком, и умер, и воскрес, делами Своими унижая и помрачая дела когда-либо живших людей, чтобы от всего того, чем бы ни были предубеждены люди, отвлечь их, и научить ведению истинного Отца Его, как и Сам говорит: *прииде взыскати и спасти погибшаго*.

16) Поелику мысль человеческая однажды ниспала в чувственное, то Слово благоволило соделать Себя видимым, посредством тела, чтобы, став человеком, обратиться на Себя внимание людей, отвлечь к Себе чувства их, и когда увидят Его человеком, теми делами, какие производит Он, убедить их наконец, что Он — не только человек, но и Бог, Слово и Премудрость истинного Бога. Это намереваясь выразить, и Павел говорит: *в любви вкоренени и основани, да возможете разумети со всеми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумеете же преспеющую разум любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполнение Божие* (Ефес. 3, 17—19). Ибо Слово, распростершись всюду, и горé и долу, и в глубину и в широту, горé — в творении, до-

лу — в вочеловечении, в глубину — во аде, в широту же — в мире, все наполнило ведением о Боге. А посему-то не тотчас по Своем пришествии совершает жертву за всех, предавая тело на смерть, и воскрешая оное, и делая Себя невидимым телесно; напротив же того, и самым телом привлекает на Себя взоры людей, пребывая в теле и творя такие дела, являя такие знамения, которые показывали в Нем уже не человека, но Бога Слово. Ибо Спаситель вочеловечением явил сугубое человеколюбие и тем, что уничтожил в нас смерть и обновил нас, и тем, что, будучи не познан и невидим, явил Себя в делах и показал, что Он — Отче Слово, Вождь и Царь вселенной.

17) Он не был так объят телом, чтобы, когда был в теле, тогда не был и вне тела, и когда приводил в движение тело, тогда вселенная лишена была Его действия и промысления. Но, что всего удивительнее, Он, как Слово, ничем не был содержим, а напротив Сам все содержал. И как, пребывая в целой твари, хотя по сущности Он вне всего, однако же силами Своими присущ во всем, всё благоустроая, на всё и во всем простирая Свое промысление, оживотворяя и каждую тварь и все твари в совокупности, объемля целую вселенную, и не объемлясь ею, но весь всецело пребывая в едином Отце Своем, так, и в человеческом пребывая теле, и Сам оживотворяя его, вне всякого сомнения, оживотворял и вселенную, пребывал во всех тварях, и был вне вселенной, давал познавать Себя в теле делами, и не переставал являть Себя в действиях на вселенную. Душе свойственно хотя рассматривать в помыслах и то, что вне ее тела, однако же не простирает своих действий на что-либо вне ее тела и своим присутствием не приводит в движение, что отдалено от тела. Человек, когда думает о чем-либо отдаленном, чрез это не приводит еще отдаленного в движение и не переносит с одного места на другое. И если кто сидит у себя в доме и размышляет о том, что на небе, то не движет еще чрез это солнца и не обращает неба; но, хотя видит их движущимися и сотворенными, однако же не может поэтому произвести их. Не таково было Божие Слово в человеке. Оно не связывалось телом, а напротив того, Само наипаче обладало им; посему и в теле Оно было, и находилось во всех тварях, и было вне существ, и упокоевалось в Едином Отце. И, что чуднее всего, провозгладал жизнь, как человек, все оживотворяло, как Слово, и сопребывало со Отцем, как Сын. Посему, когда рождала Дева, Оно не страдало и, пребывая в теле, не сквернилось, но, напротив того, освящало наипаче и тело; потому что, и пребывая во всех тварях, не делается Оно все-му причастным, а напротив того, все Им наипаче оживотворяется и питается. Если и солнце, Им сотворенное и нами видимое, круговращаясь на небе, не сквернится прикосновением к земным телам и не омрачается тьмой, а напротив того, само их освещает и очищает, то тем паче всесвятое Божие Слово, Творец и Господь солнца, давая познавать Себя в теле, не прияло на Себя скверны, а напротив того, будучи нетленным, оживотворяло и очищало и смертное тело. Ибо сказано: *Иже греха не сотвори, ни обретеса леств во устех Его* (1 Петр. 2, 22).

18) Посему, когда богословствующие о Слове говорят, что Оно ест, пьет и родилось, тогда знай, что тело, как тело, родилось и питалось приличною пищею, само же сопребывающее в теле Божие Слово, все благоустроая, и тем, что совершало Оно в теле, показывало в Себе не человека, но Божие Слово. Говорится же это о Нем потому, что тело, которое вкушало пищу, родилось, страдало, было телом не кого-либо другого, но Господа. И поелику Господь стал человеком, то прилично было говорить о Нем и это, как о человеке, чтобы явствовало, что действительно, а не мечтательно, имеет Он тело.

Но как из сего познавали Его присущим телесно, так делами, какие совершил чрез тело, давал Он разуметь в Себе Божия Сына. По-

сему-то к неверным иудеям и взывал, говоря: *еще не творю дела Отца Моего, не имите Ми веры: еще ли творю, еще и Мне не веруете, делом Моим веруйте: да разумеете и познаете, яко во Мне Отец, и Аз во Отце* (Ин. 10, 37, 38). Как, будучи невидимым, познаётся Он из дел творения, так, соделавшись человеком, и невидимый под покровом тела, делами дает знать, что совершающий эти дела — не человек, а Божия Сила и Божие Слово. Ибо не человеческое, но Божие дело — повелевать бесам и изгонять их. И видя, как исцелял Он болезни, в какие ввергнут был род человеческий, кто почитет его человеком, а не Богом? Он очищал прокаженных, хромым давал силу ходить, глухим отверзал слух, слепых делал зрящими, вообще отгонял от людей всякие болезни и всякие немощи. А из этого всякий мог усматривать Божество Его. Ибо видя, что возвращал Он человеку и то, чего недоставало от рождения, и родившемуся слепым отверзал очи, кто не заключит из этого, что Ему подчинено и самое рождение человеческое, что Он — Создатель и Творец его? Кто возвращает человеку, чего не было у него от рождения, о том, без сомнения явно, что Он — Господь и рождения человеческого. Посему-то в начале приходя к нам, создает Себе тело от Девы, чтобы и в этом показать всем не малый признак Божества Своего; потому что создавший это тело есть Творец и прочих тел. И видя, что тело происходит от единой девы без мужа, кто не придет к той мысли, что явившийся в этом теле есть Творец и Господь и прочих тел? Также видя, что сущность воды изменена и претворена в вино, кто не заключит, что сотворивший это есть Господь и Творец сущности всех вод? Посему-то, как Владыка, ступает Он на море, и по нему ходит как по суше, и в этом показывая видящим признак Своего владычества над всем. Насыщая же малым количеством пищи великое число людей и из недостатка производя избыток, так что пятью хлебами насытились пять тысяч человек, и еще столько же осталось, — не иное что давал этим разуместь, но то самое, что Он Господь промысления о вселенной.

19) Все же благоугодно было сотворить Спасителю, чтобы люди, которые не познавали Его о всем промыслении и не уразумевали Божества Его из творения, хотя бы возбужденные телесными Его делами, возвели к Нему взор, а чрез Него приобрели себе понятие ведения об Отце, по сказанному выше, из частного заключая о промыслении Его в целой вселенной. Ибо, видя власть Его над бесами, или видя, что бесы исповедуют Его Господом своим, кто еще станет колебаться мыслно, что Он — Божий Сын, Божия Премудрость и Сила? Он соделал, что и самая тварь не умолчала, но, что всего чуднее, во время смерти, лучшее же сказать, во время торжества Его над смертью, то есть на кресте, вся тварь исповдала, что познаваемый и страждущий в теле не просто есть человек, но Божий Сын и Спаситель всех. Ибо, когда солнце отвратило зрак свой, земля потряслась, горы распались, все пришли в ужас; тогда показывало это, что Распятый на кресте Христос есть Бог, а вся тварь — раба Его, страхом своим свидетельствующая о присутствии Владыки.

Так Бог — Слово явил Себя людям в делах. Но следует описать также и конец пребывания Его в теле и обращения с людьми, сказать, какова была телесная Его смерть (тем паче, что в этом главизна нашей веры и это в устах у всех вообще людей), чтобы знать тебе, каким образом и из этого, ничем не менее, познаётся во Христе Бог и Божий Сын.

20) Что касается до причины пришествия Его во плоти, то, сколько было возможно, отчасти и по мере сил нашего разумения, объяснили мы это выше, а именно сказали, что преложить тленное в нетленное — не иному кому принадлежало, как Спасителю оно, и в начале сотворившему вселенную из ничего, что в людях снова воссоздать об-

раз — не иному кому было свойственно, как Отчему Образу, что смертное воскресить бессмертным — не иному кому было свойственно, как источной жизни — Господу нашему Иисусу Христу, что научить об Отце, упразднить же идольское служение — не иному кому принадлежало как вселенную приводящему в благоустройство Слову, единому, Единородному, истинному Отчему Сыну. Поелику же, наконец, надлежало заплатить долг, лежащий на всех, ибо, по сказанному выше, должны были все умереть, что и было главной причиной Его пришествия, то после того, как доказал Божество Свое делами, приносит, наконец, и жертву за всех, вместо всех предавая на смерть храм Свой, чтобы всех соделать свободными от ответственности за древнее преступление, о Себе же, в нетленном теле Своем явив начаток общего воскресения, доказать, что Он выше и смерти.

И не дивись, что многократно говорим то же и о том же. Поелику беседуем о Божием благоволении, то много раз изыскаем одну и ту же мысль, чтобы не оказалось что-либо опущенным, и не подпали мы обвинению, что сказанное нами неудовлетворительно. Ибо лучше подвергнуться порицанию за тождество, нежели опустить что-либо такое, о чем должно было написать.

Итак, тело, поелику имело одну общую со всеми телами сущность, и было телом человеческим, хотя, по необычайному чуду, образовалось из единыя Девы, однако же, будучи смертным, по закону подобных тел, подверглось смерти; по причине же снисшествия в него Слова не потерпело свойственного телесной природе тления, а напротив того, ради вселившегося в нем Божия Слова, пребыло вне тления. И чудным образом в одном и том же совершилось то и другое: и смерть всех приведена в исполнение в Господнем теле, и уничтожены им смерть и тление ради соприсущего в нем Слова. Нужна была смерть, и надлежало совершиться смерти за всех, во исполнение долга, лежащего на всех. Посему-то, как сказано выше, поелику невозможно было умереть Слову, потому что Оно бессмертно,—прямое Оно на Себя тело, которое могло умереть, чтобы как Свое собственное, принести его за всех, и как за всех пострадавшему, по причине пребывания Своего в теле, *упразднить имущаго державу смерти, сиречь, диавола, и избавить сих, елицы страхом смерти повинни беша работе* (Евр. 2, 14, 15).

21) Поелику умер за нас общий всех Спаситель, то, несомненно, что мы, верные о Христе, не умираем уже теперь смертию, как древле, по угрозе закона, потому что такое осуждение отменено, но с прекращением и уничтожением тления благодатию воскресения, по причине смертности тела, разрешаемся уже только на время, какое каждому определил Бог, да возможем улучшить лучшее воскресение. Наподобие семян, ввергаемых в землю, мы разрешаясь не погибаем, но как посеянные воскреснем; потому что смерть упразднена по благодати Спасителя. Посему-то и блаженный Павел, соделавшись для всех поручителем в воскресении, говорит: *Подобает тленному сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в безсмертие. Егда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в безсмертие, тогда будет слово написанное: пожерта бысть смерть победою. Где ти, смерте, жало? Где ти, аде, победа?* (1 Кор. 15, 53—55).

Скажут: если нужно было Ему за всех предать тело на смерть, то почему не сложил с Себя тела, как человек, наедине, но простерся и до распятия? Приличнее было бы сложить с Себя тело с честью, нежели претерпеть вместе с поруганием такую смерть.—Смотри же, такое возражение не есть ли опять человеческое? А что совершенно Спасителем, то — поистине божественно и по многим причинам достойно Его Божества. Во-первых, смерть, приключающаяся людям, приходит к ним по немощи их естества; не могут они долго пребывать

в жизни, и со временем разрушаются; потому приключаются с ними болезни, они изнемогают и умирают. Господь же не немощен, но Божия Сила, Божие Слово, источная Жизнь. Посему, если бы сложил с Себя тело где-либо наедине и, как обычно людям, на одре, то подумали бы, что и Он потерпел это по немощи естества, и ничем не преимущественнее прочих людей. Поелику же Он — Жизнь и Божие Слово, и смерти надлежало совершиться за всех, то, как Жизнь и Сила, Собою укреплял тело, когда же надлежало совершиться смерти, — не в Себе, но от других заимствовал предлог к совершению жертвы; потому что не надлежало терпеть болезни Господу, врачующему болезни других, и также не надлежало изнемогать телу, в котором Он подкреплял других в немощах. Но почему же и смерти не воспретил так же, как и болезни? Потому что для принятия смерти имел Он тело, и неприлично было воспретить смерти, чтобы не воспрепятствовать и воскресению. А также неприлично было, чтобы и болезнь предшествовала смерти; иначе вменилось бы это в немощь Явившемуся в теле. Но разве не алкал Он? Да, алкал по свойству тела, но не истаявал голодом; потому что одевшийся в тело был Господь. Посему-то, хотя умерло тело для искупления всех, но не видело тления; ибо воскресло всецелым; потому что было телом не кого-либо иного, но самой Жизни.

22) Скажет кто-нибудь: надлежало укрыться от злоумышления иудеев, чтобы тело Свое сохранить совершенно бессмертным. — Пусть слышит таковой, что и это неприлично было Господу, Слову Божию, истинной Жизни, как неприлично было самому нанести смерть телу Своему, так не свойственно было избегать смерти, наносимой другими, и не преследовать смерть до истребления. Посему справедливо поступил Господь, что не сложил с Себя тела Сам, а также и не избегал злоумышляющих иудеев. Такое дело не немощь показывало в Слове, а напротив того, давало уразуметь в Нем Спасителя и Жизнь; потому что ожидал смерти, чтобы ее истребить, и наносимой смерти спешил положить конец для спасения всех. Сверх того, Спаситель пришел положить конец не Своей смерти, но смерти всех людей, почему не собственной смертью (как Жизнь и не имел Он смерти) сложил с Себя тело, но принял смерть от людей, чтобы и эту смерть, коснувшуюся к телу Его, истребить совершенно.

Притом и из следующего можно видеть, почему Господне тело имело такую кончину. У Господа главною целию было воскресение тела, которое имел Он совершить; ибо знамением победы над смертью служило то, чтобы всем показать оное, всех уверить, что совершено Им уничтожение тления и даровано уже нетление телам. И как бы всем в залог этого нетления и в признак будущего для всех воскресения, соблюл Он тело Свое нетленным. Посему, если бы тело пострадало от болезни и Слово в виду всех разрешилось от тела, то Врачующему болезни других не прилично было бы не позаботиться о собственном Своем орудии, изнуряемом болезнями. Как поверили бы, что отгонял Он немощи других, если бы изнемог у Него собственный храм? Или стали бы смеяться, что не может удалить от Себя болезни, или почли бы не человеколюбивым и к другим, потому что может и не делает.

23) А если бы без какой-либо болезни, без какого-либо страдания, где-либо наедине, в особом месте, или в пустыне, или в доме, или где бы то ни было, сокрыл Он тело, и потом, опять внезапно явившись, сказал о Себе, что воскрес из мертвых, то все почли бы это за баснь и слову Его о воскресении не поверили бы тем паче, что вовсе не было бы свидетельствующего о смерти Его, воскресению же должна предшествовать смерть; потому что без предшествовавшей смерти не было бы и воскресения. Посему, если бы смерть тела приключилась

где-либо втайне, го, поелнку смерть была невидима и совершилась не при свидетелях,—и воскресение тела было бы не явно и не засвидетельствовано. И почему бы воскресши стал проповедовать о воскресении, когда смерти попустил совершиться не явно? Или почему бы,—когда в виду всех изгонял бесов, слепому от рождения возвратил зрение и воду претворил в вино, удостоверяя тем, что Он—Божие Слово,—не показать в виду всех, что смертное нетленно, в удостоверении, что Он—Жизнь? Как и ученики Его возымели бы дерзновение проповедовать воскресение, не имея права сказать, что прежде Он умер? Или как поверили бы им, когда бы стали утверждать, что сперва была смерть, а потом воскресение, если бы свидетелями смерти не имели тех самых, пред кем с дерзновением утверждали это? Если и в том случае, когда и смерть и воскресение совершились в виду у всех, тогдашние фарисеи не хотели верить, но даже и видевших воскресение принуждали отрицать его, то, без сомнения, если бы совершилось это скрытно,—сколько придумали бы предлогов к неверию? Как же показаны были бы и конец смерти и победа над нею, если бы не в виду всех, призвав смерть, обличил ее, что она уже мертва, истощенная нетлением тела?

24) Но нужно предупредить нам своим ответом то, что могут сказать другие. Ибо скажут, может быть, и это: если смерти Его надлежало совершиться в виду всех и быть засвидетельствованною, чтоб поверили и слову о воскресении, то надлежало бы хотя придумать славную смерть, чтоб избежать по крайней мере бесчестия креста.—Но если бы так поступил, то подал бы о Себе подозрение, что имеет силу не над всякою смертию, а только над тою, которую придумал для Себя; и тем не меньший был бы опять предлог к неверию в воскресение. Посему-то не от Него, но по злоумышлению приключилась телу смерть, чтобы Спасителю истребить ту самую смерть, какую люди нанесли Ему. И как доблестный борец, высокий и разумом и мужеством, не сам себе избирает противников, чтобы не подать подозрения, будто бы иных страшится, но предоставляет это власти зрителей, особливо если неприязненны ему, чтоб, низложив того, кто будет противопоставлен ему, удостоверить в своем превосходстве пред всеми: так и Жизнь всех, Господь и Спаситель наш Христос, не от Себя придумал смерть телу, чтобы не показаться боящимся другой какой смерти, но, приемля смерть от других, и именно от врагов, какую они почли ужасной, бесчестной и ненавистной, такую и претерпел на кресте, чтобы, и ее низложив, о Себе удостоверить, что Он есть Жизнь, державу же смерти упразднить совершенно. И совершилось весьма чудное и необычайное дело: думали нанести смерть бесчестную, но она-то и послужила знаменем победы над самой смертью.

Для чего не претерпел Иоанновой смерти чрез усекновение главы, не претрен, как Исаия?—Для того, чтобы и в смерти сохранить тело не раздробленным и всецелым, а потому, чтобы и предлога не было намеревающимся разделять Церковь.

25) И это в ответ внешним, которые любят много умствовать. Но и из нас кто-нибудь, не по любопытности, а из любования, может спросить: для чего претерпел не иное что, а крест?—Пусть слышит и он, что пострадать так, а не иначе, к нашей служило пользе; и для нас—всего лучше, что претерпел это Господь. Ибо, если пришел Он на Себе понести клятву, на нас бывшую, то как бы иначе стал клятвой, если бы не принял смерть, бывшую под клятвой? Но это—крест; ибо так написано: *проклят всякий на древе* (Втор. 21, 23. Галат. 3, 13). Потом, ежели Господня смерть есть искупление всех, и Господней смертью разоряется *средостение ограда* (Еф. 2, 14) и совершается призвание язычников, то как бы призвал нас, если бы не был распят? На одном кресте умирают с распростертыми руками. Посему Гос-

поду прилично было и крест претерпеть, и распротерть руки, чтобы одной рукой привлечь к Себе ветхий народ, а другой — званных из язычников, тех же и других соединить в Себе. Это и сам Он изрек, давая разуместь, какой смертью искупит всех. Ибо говорит, когда *вознесен буду, вся привлеку к Себе* (Ин. 12, 32). И еще: если враг рода нашего диавол, пав с неба, блуждает по здешнему дольному воздуху, и там властвуя над другими демонами, подобными ему непокорностью своей, производит чрез них мечтания в обольщаемых и намеревается задерживать *восходящих*, о чем говорит и Апостол: *по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления* (Ефес. 2, 2); Господь же пришел низложить диавола, очистить воздух и нам для восхождения на небо открыть путь, как сказал Апостол: *завесою, сиречь плотию Своею* (Евр. 10, 20), а сему надлежало совершиться смертью, то какой иной смертью совершилось бы это, как не смертью, принятой в воздухе, то есть на кресте? Ибо только кончающийся на кресте умирает в воздухе. Посему-то Господь не без причины претерпел крест, ибо вознесенный на нем очистил воздух от диавольской и всякой бесовской козни, говоря: *видех сатану, яко молнию спадша* (Лк. 10, 18), открывая же путь к восхождению на небо, обновил оный, говоря также: *возмите врата князи ваша, возмיתесь врата вечная* (Пс. 23, 7). Ибо не для самого Слова, как Господа всяческих, нужно было отверстие врат, и ничто сотворенное не заключено было для Творца, но имели в этом нужду мы, которых возносил Он собственным телом Своим; потому что, как на смерть принес за всех тело, так телом же опять проложил всем путь и к восхождению на небо.

26) Итак, смерть за нас на кресте была прилична и сообразна с делом; причина к тому оказывается во всех отношениях достаточной и ведет к верным заключениям, что спасению всех надлежало совершиться не иначе, как крестом. Ибо и в этом случае, то есть на кресте, Господь не оставил Себя не явленным, но сверх всего соделал и то, что и тварь засвидетельствовала о присутствии се Создателя.

Храм же Свой — тело не надолго оставил в таком состоянии, но, показав только мертвым от приращения к нему смерти, немедленно и воскресил в третий же день, вознося с Собой и знамение победы над смертью, то есть явленное в теле нетление и непричастность страданию. Мог бы Он и в самую минуту смерти воздвигнуть тело и показать снова живым, но прекрасно и предусмотрительно не соделал сего Спаситель; потому что сказали бы, что тело вовсе не умирало, или что не совершенная коснулась его смерть, если бы в то же время показал и воскресение. И если бы смерть и воскресение последовали в тот же промежуток времени, то, может быть, не явной соделалась бы слава нетления. Посему-то, чтобы показать тело мертвым, Слово и пострадало среди дня, и в третий день всем показало тело нетленным. Чтобы показать смерть в теле, воскресило его в третий день; но чтобы, воскреснув после долгого пребывания и совершенного истления во гробе, не подать случая к неверию, будто бы имеет на Себе уже не то, а иное тело (и по одной долговременности иной не поверил бы явившемуся и забыл прошедшее), то, по этой самой причине, не более терпит трех дней, и не длит ожидания слышавших, что сказано Им было о воскресении, но, пока слово звучало еще в слухе их, пока не отводили еще очей и не отрывались мыслью, пока живы еще были на земле, и на том же находились месте и умертвившие и свидетельствующие о смерти Господня тела, — сам Божий Сын показал, что тело, в продолжение трех дней бывшее мертвым, бессмертно и нетленно. И для всех стало явно, что тело умерло не по немощи естества вселившегося Слова, но для уничтожения в нем смерти силой Спасителя.

27) А что смерть сокрушена, что крест соделался победой над нсй, что она не имеет уже более силы, но действительно мертва, сему немаловажным признаком и ясным удостоверением служит то, что пренебрегается она всеми учениками Христовыми, все наступают на нее и не боятся ее, но крестным знаменем и верой во Христа попирают ее как мертвую. Древле, пока не совершилось еще божественное Спасителево пришествие, страшна была смерть и самым святым, и все оплакивали умирающих как погибших. Теперь же, поелику Спаситель воскресил тело, смерть уже не страшна, но все верующие во Христа попирают ее, как ничтожную, и скорее решаются умереть, нежели отречься от веры во Христа. Ибо несомненно знают, что умирающие не погибают, но живы, и чрез воскресение сделаются нетленными. Один лукавый дьявол, древле зло наругавшийся над нами смертью, остался истинно мертвым, по уничтожении смертных болезней. И вот доказательство этому: люди прежде, нежелая уверуют во Христа, представляют себе смерть страшной и боятся ее; а как скоро приступают к Христовой вере и к Христову учению, до того пренебрегают смертью, что с готовностью устремляются на смерть и становятся свидетелями воскресения, совершённого Спасителем в низложение смерти; даже младенцы возрастом снсшат умереть, и не только мужи, но и жены учатся, как бороться со смертью. Столько немощной стала она, что и жены, прежде обольщенные ею, смеются теперь над ней, как над мертвой и расслабленной. Когда законный царь победит в брани похитителя власти и свяжет его по рукам и ногам, тогда все уже мимоходящие издеваются над ним, наносят ему удары, терзают его, но боясь его неистовства и свирепости, потому что побежден он царем. Так, поелику смерть побеждена и опозорена Спасителем на кресте, связана по рукам и ногам, то все ходящие о Христе попирают смерть и, делаясь за Христа мучениками, издеваются над ней, осмывая ее и говоря написанное выше: *где ти, смерти, жало? где ти, аде, победа?*

28) Маловажное ли это свидетельство о немощи смерти или маловажное ли это доказательство одержанной над ней Спасителем победы, когда дети о Христе и юные девы ни во что ставят здешнюю жизнь и помышляют о том, чтобы умереть? Человек по природе боится смерти и телесного разрушения. И всего необычайнее, что облекшийся верой крестной пренебрегает и тем, что естественно, и не боится смерти за Христа.

Огонь имеет естественное свойство жечь. Если же скажут, что есть вещество, которое не боится огненного сожжения, и даже доказывает собой, что огонь над ним бессилен, и таков, как говорят, у индов каменный лен¹, то, если не верит кто таким рассказам, захочет же опытом изведать сказанное, без сомнения, одевшись в несгораемое вещество и бросившись в огонь, удостоверится, наконец, в бессилии огня. Или, если пожелает кто увидеть связанного мучителя, то, конечно, пойдет для сего в область и владения победителя, и там на деле увидит, что бывший для других страшным стал уже бессилен. Подобно этому, если кто и после стольких доказательств не верует еще во Христа и после того, как было такое множество Христовых мучеников, преспевающие же о Христе ежедневно посмеваются над смертью, колеблется еще мыслью в том, действительно ли смерть упразднена и возымела свой конец, то прекрасно он делает, что изъясляет удивление при всем этом, но да не будет же по крайней мере упорен в неверии, и да не отрицает с бесстыдством того, что так очевидно, а напротив того, как взявший каменный лен узнаёт, что в огне он несгораем, или как желающий видеть связанного мучителя идет во

¹ Амнант.

владение победителя, так и этот, не доверяющий победе над смертью, пусть воспримет веру Христову и приступит ко Христову учению; тогда он увидит немощь смерти и победу над ней. Ибо многие прежде не веровали и смеялись, впоследствии же, уверовав, до того стали пренебрегать смерть, что сами сделались Христовыми мучениками.

29) Если же крестным знаменем и верою во Христа попирается смерть, то, пред судом истины, ясно видно, что одержал победу и восторжествовал над смертию, и довел ее до изнеможения не иной кто, а сам Христос. И если прежде смерть была сильна, а потому и страшна, ныне же, по пришествии Спасителя, после смерти и воскресения тела Его, смерть пренебрегается, то явно, что она упразднена и побеждена Христом, восшедшим на крест. Если, по прошествии ночи, является солнце и озаряются все надземные места под солнцем, то, конечно, нет сомнения, что это же самое солнце, которое повсюду разлило лучи свои, и тьму рассеяло, и все осветило. Так, поелику смерть пренебрегается и попирается, со времени спасительного явления в теле и крестной кончины Спасителя, то явно, что тот же Спаситель, который явился в теле и упразднил смерть, и ныне ежедневно торжествует над ней в учениках Своих. Ибо когда видим, что люди, по природе немощные, устремляются на смерть, не ужасаются ее разрушительности, не страшатся нисхождения во ад, но с сердечной готовностью призывают на себя смерть; не трепещут мучений, но идти за Христа на смерть предпочитают даже здешней жизни; или когда бываем зрителями того, как мужи, жены и малые дети, по благочестивой вере во Христа, стремятся и спешат на смерть, тогда будет ли кто столько скудоумен, или столько маловерен, и до того ослеплен умом, чтоб не понять и не рассудить, что Христос, за Которого люди терпят мучение, Сам уготовляет и дает каждому победу над смертью, приводя ее в изнеможение в каждом из уверовавших в Него и носящих на себе крестное знамение? Кто видит попираемую змею, тот (особливо если знал прежнюю ее свирепость) не сомневается уже, что змея мертва и совершенно изнемогла, если только не повредился он в уме и здоровы у него телесные чувства. Кто видит, что дети играют львом, не познает из этого, что лев мертв или потерял всю свою силу? Как в истине этого можно увериться своими глазами, так, поелику верующие во Христа посмеваются над смертью и пренебрегают ею, то никто да не сомневается более, никто да не остается в неверии, что смерть упразднена Христом и разрушительность ее уничтожена и прекращена.

30) Сказанное пред этим — не маловажным служит подтверждением тому, что смерть упразднена и крест Господень есть знамение победы над ней. А что общим всех Спасителем и истинною всех жизнью — Христом совершенно уже бессмертное воскресение тела, — на то для имеющего здоровое око ума яснейшее всякого слова доказательство представляется в видимом. Ибо если, как показано в этом слове, смерть упразднена, и при Христовом содействии все попирают ее, то тем паче сам Он первый попрах и упразднил ее собственным телом Своим. По умерщвлении же Им смерти чему надлежало быть? Не тому ли, чтобы тело воскресло и этим явлено было торжество над смертью? Из чего же и явствовало бы, что смерть упразднена, если бы не воскресло Господне тело?

Если же кому недостаточно еще этого доказательства о воскресении Господнем, то пусть в утверждаемом удостоверится тем, что видит перед глазами. Ибо если сделавшийся мертвым не может обнаруживать никаких действий, и благотворность его простирается только до гроба, а потом прекращается, одним же живым можно действовать и иметь влияние на людей, то, кому угодно, пусть рассмотрит, и вследствие усмотренного делается судьей, и сознается в истине.

Поелику Спаситель так действует на людей, и ежедневно повсюду такое множество населяющих Элладу и варварскую землю невидимо убеждает приступить к вере в Него и покорствовать учению Его, то будет ли еще кто-либо колебаться мыслью, что действительно было воскресение Спасителя и что Христос жив, вернее же сказать, что Он есть Жизнь? Свойственно ли мертвому приводить мысль человеческую в такое умиление, чтобы люди отрекались от отеческих законов и поклонялись Христову учению? Или, если Христос бездействен (ибо таким быть свойственно мертвому), то каким образом прекращает Он действенность в действующих и живых, и прелюбодей уже не прелюбодействует, человекоубийца уже не убивает, обидчик не домогается уже корысти, нечестивец не нечестивствует более? Если не воскрес Он, но мертв, то как же ложных богов, которые по утверждению неверующих живы, и чествуемых ими демонов изгоняет, преследует и низлагает? Ибо где только именуются Христос и вера Его, там истребляется всякое идолослужение, обличается всякая бесовская прелесть. Ни один демон не терпит и имени Христова, но едва слышит его, как предается бегству. А это — дело не мертвого, но живого, и преимущественно дело Божие. Иначе смешно будет об изгоняемых Им демонах и об упраздняемых Им идолах утверждать, что они живы; а Кто изгоняет Своей силой и обращает их в ничто, Кого все исповедуют Сыном Божиим, — о Том говорить, что Он мертв.

31) Неверующие воскресению сами на себя произносят важное обличение, если Христа, Которого называют они мертвым, не изгоняют все демоны и чествуемые у них поклонением боги, напротив же того, Христос всех их обличает в том, что они мертвы. Ибо если справедливо, что мертвый бездействен, Спаситель же ежедневно совершает столько дел, привлекая людей к благочестию, убеждая к добродетельной жизни, научая бессмертию, исполняя любви к небесному, открывая им ведение об Отце, вдыхая силу против смерти, являя Себя каждому, истребляя идольское безбожие; между тем как ничего такого не могут сделать чтимые неверными боги и демоны, напротив же того, в присутствии Христовом делаются мертвыми, имеющими один бездейственный и пустой призрак, и крестным знаменем прекращается всякое волшебство, обращается в ничто всякое чародейство, все идолы лишаются своих поклонников и оставляются ими, всякое неразумное наслаждение прекращается, и всякий человек обращает взор от земли к небу, то кого же после сего назвать мертвым? Совершающего ли всё это Христа? Но несвойственно действовать мертвому, как вовсе бездейственному и лежащему бездыханным, что и примечаем в демонах и идолах, как мертвых. Сын Божий, как живой и действенный, ежедневно действует и совершает спасение всех, а смерть ежедневно оказывается изнемогшей, идолы и демоны изближаются в том, что они мертвы, почему никто уже не может сомневаться в воскресении Господня тела.

Но неверующий воскресению Господня тела не знает, по-видимому, силы Божия Слова и Божией Премудрости. Ибо если Господь вполне восприял на Себя тело и усвоил Себе его не без особенных важных причин, как доказано это в слове, то как же надлежало Господу поступить с телом? Или какой конец должен был последовать с телом, как скоро Слово единойжды снизошло на него? Не могло оно не умереть, как смертное и за всех приносимое на смерть, для чего и уготовал Себе его Спаситель. Но не могло оно и остаться мертвым, потому что соделалось храмом Жизни. Посему, хотя умерло, как смертное, однако же ожило, по силе обитающей в нем Жизни, и признаком воскресения служат дела.

32) Если же не верят воскресению Господня тела, потому что тело невидимо, то смотри — неверующие отрицают сообразное с естеством;

потому что Богу свойственно быть невидимым, но познаваемым из дел, как сказано было выше. Посему, если нет дел, то справедливо не верят невидимому, а если дела вопиют и доказывают ясно, то для чего произвольно отрицают столь явно обнаруживающуюся жизнь воскресения? Если помрачен ум, то внешними даже чувствами можно видеть непререкаемую силу Христову и Божество. Слепой, если и не видит солнца, то, ощутив произведенную им теплоту, знает, что есть над землей солнце. Так и прекословящие, если еще не веруют, доньше слепотствуя для истины, то, познавая силу на других верующих, да не отрицают Божества Христова и совершённого Христом воскресения. Ибо явно, что если Христос мертв, то не изгонял бы Он демонов, не расхищал бы корыстей идольских, потому что демоны не послушались бы мертвого. Если же явственно изгоняются они Христовым именем, то ясно видно, что Христос не мертв, тем более, что демоны, видя и не зримое людьми, если бы Христос был мертв, могли бы знать это и вовсе не стали бы повиноваться Ему. Теперь же нечестивые не веруют, но демоны видят, что Он — Бог, и потому бегут и припадают к Нему, говоря, что говорили, когда был в теле: *вемы Тя, Кто еси, Святыи Божий* (Мр. 1, 24); и: *остави, что нам и Тебе, Сыне Божий* (Мф. 8, 29); молю Тебя, не мучь меня. Итак, поелику бесы исповедуют и дела свидетельствуют ежедневно, то (никто да не противится бесстыдно истине!) явственно видно, что Спаситель воскресил тело Свое и что истинный Божий Сын (от Бога, как от Отца, Сый, собственное Его Слово и Премудрость и Сила) напоследок времен для спасения всех восприял на Себя тело, научил вселенную ведению Отца, упразднил смерть и всем даровал нетление обетованнем воскресения, в начаток сего воскресения воскресив собственное Свое тело и памятник победы над смертью и ее разрушительностью показав в крестном знамении.

33) Когда же это действительно так, и ясное есть доказательство воскресения (Господня) тела и победы, одержанной Спасителем над смертью, обличим теперь и неверие иудеев и кощунство язычников. Ибо при всем этом, может быть, иудеи еще неверствуют и язычники смеются, нападая на неприличие креста и вочеловечения Божия Слова. Но слово наше не замедлит одержать верх над теми и другими, особенно же имея у себя против них очевидные доказательства.

Неверующие иудеи имеют себе обличение в тех Писаниях, которые и сами читают. Ибо все вообще богодухновенное Писание, с начала до конца, вопиет о сем, как ясно показывают самые речения.

Пророки издревле предвозвещали о чуде, совершившемся на Дсве, и о рождении Ею, говоря: *се Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, еже есть сказано: с нами Бог* (Ис. 7, 14. Мф. 1, 23). Моисей же, подлинно великий и признаваемый у них истинным, оправдывая и признавая за истину изреченное другим о вочеловечении Спасителя, внес это в свои писания, говоря: *возсияет звезда от Иакова и человек от Израйля, и погубит князи Моавитския* (Числ. 24, 17). И еще: *Коль добри доми твои, Иакове, и куцы твоя, Израйлю! Яко дубравы осеняющия, и яко садие при реках, и яко куцы, яже водрузи Господь, яко кедри при водах. Изыдет человек от семени его, и обладает языки многими* (5—7). И еще говорит Исая: *прежде неже разумети Отрочати назвати отца или мать, приимет силу Дамаскову, и корысти Самарийския пред царем Ассирийским* (Ис. 8, 4). Этим предвозвещается, что явится человек, но и о том, что грядущий есть Господь всех, прорицают также пророки, говоря: *се Господь седит на облаце легце, и придет во Египет, и потрясутся рукотворенная египетская* (Ис. 19, 1). И оттуда вызывает Его Отец, говоря: *из Египта возвах Сына Моего* (Ос. 11, 1).

34) Но не умолчано и о смерти Его, а напротив того, весьма ясно

изображается она в божественных Писаниях. Не убоились сказать и о причине смерти, а именно, что претерпит ее не ради Себя, но для бессмертия и спасения всех; сказано и о злоумышлении иудеев и об оскорблениях, какие причинены Ему иудеями, чтобы всякий из них разумел совершающееся и не обманывался. Посему говорят: *Человек в язве сый, и ведый терпети болезнь, яко отвратися лице Его, безчестен бысть, и не вменися. Сей грехи наша носит, и о нас болезнует, и мы еменихом Его быти в труде и в язве, и во озлоблении. Той же язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы исцелехом* (Ис. 53, 3—5). Подивись человеколюбию Слова! За нас терпит бесчестие, чтобы мы сделали славными. Ибо сказано: *Вси яко овцы заблудихом, человек от пути своего заблуди, и Господь предаде Его грех ради наших. И Той, зане озлоблен бысть, не отверзает уст, яко овца на заколение ведесе, и яко агнец пред стригущим Его безгласен, тако не отверзает уст Своих. Во смирении суд Его взятся* (6—8). Потом, чтобы по страданиям Его не предположили в Нем обыкновенного человека, Писание предотвращает таковые человеческие предположения и изображает Его высшую человеческой силу и несходство естества Его с нашим, говоря: *Род же Его кто исповесть? Яко вземлется от земли живот Его, ради беззаконий людей ведесе на смерть. И дам лукавия вместо погребения Его, и богатыя вместо смерти Его: яко беззакония не соговорю, ниже обретеса лествица во устех Его. И Господь хочет очистити Его от язвы* (8—10).

35) Но, может быть, слыша пророчества о смерти, пожелаешь узнать и указания на крест? И это не умолчано, но весьма явственно выражено святыми. Моисей первый и велегласно предвозвещает, говоря: *узрите живот ваш висящ пред очима вашима, и не будете верыати* (Втор. 28, 66). Но и после него жившие пророки свидетельствуют также об этом, говоря: *Аз же, яко агня незлобиво ведемое на заколение, не разумею: на Мя помыслиша помысл лукавый, глаголюще: приидите и вложим древо в хлеб Его, и истребим Его от земли живущих* (Иер. 11, 19). И еще: *Ископаша руце Мои и нозе Мои: исчетоша вся кости Моя. Разделиша ризы Моя себе, и о одежди Моей меташа жребий* (Пс. 21, 17—19). Смерть же на высоте и на древе не иная как может быть, как крест. Ни в каком также роде смерти не пронзаются ноги и руки, как на одном кресте.

Поелику же с пришествием Спасителя все народы повсюду начали познавать Бога, то и этого не оставили без указания Пророки, а напротив того, и об этом есть упоминание в святых письменах. Ибо сказано: *Будет корень Иессеов, и возстая владети языки. На Того языцы уповати будут* (Ис. 11, 10).

Вот немногие места — в доказательство совершившегося, но и все Писание исполнено обличениями неверия иудеев. Ибо кто когда-либо из праведников, святых пророков и патриархов, о которых повествуется в божественных писаниях, родился телесно от одной девы? Или какая жена имела достаточные силы — без мужа произвести на свет человека? Не от Адама ли родился Абель? Не от Иареда ли Енох? Не от Ламеха ли Ной? Не от Фарры ли Авраам? Не от Авраама ли Исаак? Не от Исаака ли Иаков? Не от Иакова ли Иуда? Не от Амрама ли Моисей и Аарон? Не от Елканы ли рожден Самуил? Не от Иессея ли Давид? Не от Давида ли Соломон? Не от Ахаза ли Езекия? Не от Амона ли Иосия? Не от Амоса ли Исаия? Не от Хелкии ли Иеремия? Не от Вузия ли Иезекииль? Не каждый ли виновником рождения своего имел отца? Кто рожден от одной девы, между тем как пророк с крайнею заботливостию указывает на это? Чье рождение предваряла звезда на небе и указывала вселенной рожденного? Моисей по рождении скрываем был родителями. О Давиде не было

и слуха у соседей, почему и великий Самуил не знал его, но спрашивал: есть ли еще иной сын у Иессея? Авраам, когда был уже велик, узнан ближними. Христова же рождения не человек был свидетелем, но свидетельствовала о нем звезда, явившаяся на небе, откуда снизшел Христос.

36) Кто же из бывших когда-либо царей, прежде нежели мог он назвать отца или мать, царствовал уже и торжествовал победы над врагами? Не тридцати ли лет воцарился Давид? И не в юношеских ли годах воцарился Соломон? Не седмь ли лет было Иоасу, когда вступил он на царство? Не около ли седми лет было, царствовавшему после, Иосии, когда принял он правление? Но и в таком будучи возрасте, могли уже они назвать отца и мать. Кто же сей, почти до рождения царствующий и собирающий корысти с врагов?

Был ли такой царь у Израиля и Иуды (пусть исследуют и скажут иудеи), на которого бы возлагали все упование народы и пребывали в мире? Не справедливее ли сказать, что народы отвсюду восставали на них? Пока стоял Иерусалим,—непримиримая была у них брань, и все были противниками Израилю: ассирияне притесняли, египтяне гнали, вавилоняне делали нашествия. И что удивительно,—даже соседние с ними сирияне были их врагами. Давид не воевал ли с моавитянами, не побил ли сириян? Иосия не защищался ли от сопредельных народов? Езекия не боялся ли высокомерия Сеннахиримова? Не ополчался ли Амалик на Моисея? Аммореи не противились ли Иисусу Навину? Не вступали ли с ним в брань жители Иерихона? И вообще у язычников с израильтянами никогда не бывало дружественных договоров. Поэтому кто же сей царь, на которого народы возлагают упование? Это стоит внимания. Ибо должен быть такой царь, потому что пророку солгать невозможно.

Кто также из святых пророков или из древних патриархов умер на кресте за спасение всех? Или кто язвен и умерщвлен, чтоб все стали здоровыми? Кто из праведников или из царей ходил во Египет, и при шествии его пали египетские идола? Ходил туда Авраам, но после него идолопоклонство снова овладело всеми. Родился там Моисей, но тем не менее продолжалось там ложное богослужение обольщенных.

37) У кого, по свидетельству Писания, *ископаны* были руки и ноги? Или кто, вообще, висел на древе и скончался на кресте за спасение всех? Авраам, оскудев в силах, умер на одре; Исаак и Иаков умерли также, простерши ноги на одре. Моисей и Аарон скончались на горе; а Давид кончил жизнь в дому, и народы не злоумышляли против него. Хотя и искал жизни его Саул, но спасался он невредимым. Исаия был претрен, но не висел на древе. Иеремия терпел поругания, но умер не осужденный. Иезекииль страдал, но не за народ, а в знамение того, что будет с народом.

Притом, если они и страдали, то были такие же люди, каковы и все мы, по сходству природы. Но Тот, Кого Писания изображают страждущим за всех, именуется не просто человеком, но Жизнию всех, хотя и был подобен людям по естеству. Ибо сказано: узрите *Живот* ваш *висящ пред очима* вашима; и: *род Его кто исповесть?* Изучив родословие всех святых, можно о каждом с самого начала рассказать: кто он и от кого произошел; но родословие Того, Кто соделывается Жизнию, слово Божие именует неисповедимым. Посему о ком же говорят это божественные писания? Или чем Он так велик, что столько предвозвещают о Нем пророки?

Но в Писаниях не найдешь никого иного, кроме общего всех Спасителя, Божия Слова, Господа нашего Иисуса Христа. Ибо Он произошел от Девы, явился на земле человеком, и родословие Его по плоти — неисповедимо; потому что никто не может наименовать Отца Его по плоти, так как тело Его не от мужа, но от одной Девы. Как можно

указать, по родословию, отцов Давидова, Моисеева и всех Патриархов; так Спасителя рожденья, по плоти, никто не может произвести по родословию от мужа. Он соделал, что телесное Его рождение указала звезда; потому что Слову, нисходящему с неба, надлежало иметь и знамение на небе, и рождающегося Царя твари должна была ясно познать вся тварь. И действительно, родился Он в Иудее, и персы пришли поклониться Ему. Еще прежде явления Своего в теле одерживает Он победу над сопротивными демонами и торжествует над идолослужением. Язычники повсюду, проклиная отеческий навыв и идольское безбожие, возлагают, наконец, упование на Христа и Ему вручают себя, как можно это видеть собственными своими глазами. Не в иное время прекратилось и египетское безбожие, но именно, когда снишел туда телом, как на облаке носимый, Господь вселенной, и упразднил идольскую прелесть, всех же привел к Себе, а чрез Себя — к Отцу. Он распят, имея свидетелями солнце, тварь и приводящих Его на смерть. И смертью Его совершилось спасение всех, искуплена вся тварь. Он есть общая всех Жизнь, и в искупительную жертву за спасение всех, как овца, предал на смерть тело Свое, хотя и не веруют тому иудеи.

38) Если и это почитают недостаточным, то да убедятся другими пророчествами, которые также имеют у себя в руках. Ибо о ком говорят Пророки: *Явлен бых не ищущим Мене, обретохся не вопрошающим о Мне. Рекох: се есмь, языку, иже не призваша имене Моего: прострох руце Мои к людям не покоряющимся и противоголаголющим* (Ис. 65, 1, 2)? Кто же соделался явленным? спросят у иудеев. Если — Пророк, то пусть скажут: когда скрывался, чтобы явиться впоследствии? Что же это за пророк, который из неявленных стал явленным и распростер руки на кресте? — Это не кто-нибудь из праведников, но единое Божие Слово, бесплотное по естеству, и ради нас явившееся в теле, и за всех пострадавшее.

Если же и этого для них недостаточно, то пусть будут постыжены другими пророчествами, видя в них столь ясное обличение. Ибо Писание говорит: *Укрепитесь руце ослабленные, и колена разслабленная, утешитесь малодушнии умом, укрепитесь, не бойтесь: Се Бог наш суд воздает, Той придет и спасет нас. Тогда отверзутся очи слепых, и уши глухих услышат. Тогда скочит хромый яко елень, и ясен будет язык гугнивых* (Ис. 35, 3—6). Итак, что могут сказать об этом? Или как вообще осмелятся противиться и этому? Пророчество дает разуметь, что придет Бог, а знамения показывают и время пришествия. Ибо говорят, что в Божественное пришествие слепые будут прозревать, хромы — ходить, глухие — слышать, и язык гугнивых делается ясным. Итак, пусть скажут: когда таковые знамения бывали в Израили или бывало ли что подобное сему в Иудее? Очистился прокаженный Нееман, но ни один глухой не стал слышать, ни один хромый не стал ходить. Илия и Елисей воскрешали мертвых, но не прозревал слепый от рождения. Великое, подлинно, дело — воскресить мертвого, однако же и это не таково, как Спасителево чудо. Притом, если Писание не умолчало о прокаженном и о мертвце у вдовлицы, то, без сомнения, если бы хромый стал ходить и слепый прозрел, слово не преминуло бы и это сделать известным. Поелику же умолчано об этом в Писаниях, то явно, что никогда и не бывало этого прежде. Когда же совершилось это? не тогда ли только, когда само Божие Слово пришло во плоти? Когда это исполнилось? не тогда ли, как хромы стали ходить, гугнивые начали говорить ясно, глухие слышали, слепые от рождения прозрели? Посему-то и иудеи, видевшие тогда чудеса эти, как не слышавшие, чтоб бывало это в другое время, сказали: *От века несть слышано, яко кто отверзе очи слепу рожденну. Аще не бы был Сей от Бога, не мог бы творити ничесоже* (Ин. 9, 32, 33).

39) Но, может быть, по трудности оспаривать явное, не станут они отрицать написанного, будут же утверждать, что и они ожидают всего этого, но Бог — Слово еще не пришел. И действительно, при всяком случае повторяя эту отговорку, не стыдятся они упорно стоять против самой очевидности. Но и в этом, более даже, нежели в чем другом, обличены будут не нами, но премудрым Даниилом, который, указывая на настоящее время и на божественное Спасителево пришествие, говорит: *Седьмдесят седмин сократишася о людех Твоих и о граде святем, яко да скончается грех, и запечатаются греси, и загладятся неправды, и очистятся беззакония, приведется правда вечная, и запечатается видение и пророк, и помажется Святый святых. И увеси и уразумеши от исхода словесе, еже отвещати, и еже соградити Иерусалим, даже до Христа Старейшины* (Дан. 9, 24, 25). При других пророчествах можно еще отыскивать хотя предлоги к тому, чтоб написанное относить к будущему времени, но что в состоянии будут они сказать на это или вообще какое осмелятся сделать возражение? Здесь указан Помазанник (Христос), предвозвещено, что помазуемый — не просто человек, но Святый святых, что до пришествия Его будет стоять Иерусалим, и наконец, не станет Пророка и видения во Израили. Помазаны были в древности Давид, Соломон и Езекия, но стояли еще Иерусалим и все место, пророчествовали еще и пророки: Гад, Асаф, Нафан, а после них — Исаия, Осия, Амос и другие. Притом сами помазанные назывались святыми людьми, а не святыми святых. Если станут указывать на пленение и скажут, что Иерусалима тогда не было, то скажут ли тоже и о Пророках? Когда, в древности, народ израильский переселился в Вавилон, были там Даниил и Иеремия, пророчествовали также Иезекииль, Аггей и Захария.

40) Следовательно, иудеи слагают чистые басни, когда исполнение пророчества с настоящего времени переносят на времена будущие. Когда во Израиле не стало пророка и видения, не с того ли времени, как пришел Христос Святый святых? Вот знамение и важный признак явления Божия Слова: Иерусалим уже не существует; ни один пророк не восстает, и нет уже у них откровения видений. Этому и быть надлежало. Когда пришло уже знаменное, — какая еще нужда в знаменующем? Когда наступила действительность, — какая нужда в тени? Для сего-то и пророчествовали, пока не пришла источная Правда, пока не пришел Искупующий грехи всех. Для сего-то и Иерусалим стоял столько времени, чтобы поучались там прообразованиям истины. Поелику же явился Святый святых, то справедливость требовала, чтоб запечатаны были видение и пророчество, и прекратилось царство иерусалимское. Дотоле помазываемы были у них цари, пока не помазан Святый святых. И Иаков пророчествует, что до Него будет стоять иудейское царство, говоря: *не оскудеет князь от Иуды, и вождь от чресл его, дондеже приидут Отложенная ему: и Той чаяние языков* (Быт. 49, 10). Почему и сам Спаситель взывает, говоря: *закон и пророцы до Иоанна прорекоша* (Мф. 11, 13). Итак, если у иудеев доныне есть царь, или пророк, или видение, то справедливо отрекаются они от пришедшего Христа. Если же нет ни царя, ни видения, но запечатано уже всякое пророчество, и город и храм пленены, то для чего столько нечествуют и грешат, что хотя видят совершившееся, но отрицаются от совершившего это Христа? Почему, видя, что язычники оставляют идолов и ради Христа возлагают упование на Бога Израилева, они отрицаются от Христа, Который по плоти пронзошел от Иессеева корня и уже царствует? Если бы язычники стали служить иному Богу, а не исповедывали Бога Авраамова, Исаакова, Иаковлева и Моисеева, то был бы у них хороший еще предлог — говорить, что Бог не пришел. Если же язычники чествуют того Бога, Который Моисею дал закон, изрек обетование Аврааму и Которого Слово обесчес-

тили иудеи, то почему не признают или, лучше сказать, добровольно не видят, что Господь, о Котором пророчествуют Писания, воссиял вселенной и явился в ней телесно, как изрекло само Писание: *Бог Господь явися нам* (Пс. 117, 27); и еще: *посла Слово Свое, и изцели я* (Пс. 106, 20); и еще: *не ходатай, ниже Ангел, но сам Господь спасе их* (Ис. 63, 9)? Они в таком же состоянии, как и помешавшийся в уме, который видит землю, освещаемую солнцем, но отрицает освещающее ее солнце. Ибо что еще надлежало сделать Ожидаемому ими, по пришествии Своем? Призвать язычников? Но они уже призваны. Сделать, чтобы не стало ни пророка, ни царя, ни видения? И это уже сделано. Обличить идольское безбожие? Оно уже обличено и осуждено. Упразднить смерть? И та уже упразднена. Что же надлежало сделать Христу, и Им не сделано? Или что остается еще не исполненным, чтоб иудеям теперь с радостию взяться за это и утверждаться в неверии? Ибо ежели (как видим) нет у них ни царя, ни пророка, ни Иерусалима, ни жертвы, ни видения, напротив же того, вся земля наполнена ведением Божиим, и язычники, научаемые Словом, Господом нашим Иисусом Христом, оставив безбожие, притекают уже к Богу Авраамову; то и для самых бесстыдных иудеев ясно видно, что Христос пришел, что Он всех вообще озарил светом Своим и преподал истинное и божественное учение об Отце Своем. Это и многое другое в божественных писаниях весьма может служить к обличению иудеев.

41) В рассуждении же язычников даже очень можно подивиться, что смеются они, над чем вовсе не должно смеяться, между тем как в ослеплении своем не видят своего позора, воздавая честь деревьям и камням. Впрочем, слово наше не имеет недостатка в доказательствах. Почему постараемся и их убедить сильными доводами, заимствованными наипаче из того, что у нас самих перед глазами.

Что у нас несообразного или достойного осмеяния? То, конечно, что Слово, как говорим мы, явилось в теле? Но и сами они, если будут друзьями истины, сознаются, что в этом нет никакой несообразности. Если вовсе отрицают они, что есть Божие Слово, то напрасно смеются над тем, чего не знают. Если же признают, что есть Божие Слово, что Оно — Властитель вселенной, что Им Отец создал тварь, и Его промышленным все во вселенной озаряется, оживотворяется и имеет бытие, и над всем Оно царствует, а потому из дел промышления познается это Слово, а чрез Него и Отец, то, прошу вникнуть, не сами ли над собой смеются они, не зная того? Эллинские философы говорят, что мир есть великое тело. И в этом верны они истине. Ибо видим, что мир и части его подлежат чувствам. Итак, ежели в мире, который есть тело, есть Божие Слово, и Оно пребывает во всех, совокупно и отдельно взятых, частях мира; что удивительного или что несообразного, когда утверждаем, что то же Слово пребывало и в человеке? Если вообще ни с чем несообразно быть Ему в теле, то несообразно пребывать Ему и во вселенной, все озарять и приводить в движение Своим промышлением, потому что и вселенная есть тело. А если прилично Слову пребывать в мире и открывать Себя во вселенной, то прилично Ему явиться и в человеческом теле, которое бы Им озарялось и приводимо было в действие, потому что и род человеческий есть часть целого мира. Если же части неприлично соделаться орудием Его к сообщению ведения о Божестве, то гораздо более несообразности — открывать Ему Себя в целом мире.

42) Ежели, — когда целое человеческое тело приводится в действие и просвещается человеком, — назовет кто несообразным, чтобы силы человека были и в персте ноги, то всякий почтет его несмысленным за то, что, дозволяя человеку пребывать и действовать в целом, воспрещает ему быть в части. Так, кто соглашается и верит, что во вселенной есть Божие Слово и Им вселенная озаряется и приводится в

движение, тот не может признать несообразным, чтоб и одно человеческое тело приводимо было в движение и озарялось Тем же Словом. Если же, на том основании, что род человеческий сотворен и произошел из ничего,—по мнению их, неприлично нам говорить о явлении Спасителя в человеке, то значит, что они исключают Слово и из всей твари; потому что вся тварь из ничего также приведена в бытие Словом. Если же нет несообразности — Слову быть в твари, хотя она и сотворена, то нет несообразности — быть Ему и в человеке. Ибо, что представляют о целом, то необходимо представлять им и о частях; а человек, по сказанному выше, есть часть целого. Посему вовсе нет неприличия, чтобы Слово было в человеке и чтобы всё в мире Им же и о Нем же озарялось, приводилось в движение и жило, как и их писатели говорят, что *о Нем живем, движемся и есмы* (Деян. 17, 28). Что же после этого достойно осмеяния в утверждаемом нами,—что Слово в орудие для явления Своего употребляет то, в чем Оно пребывает? Если бы не пребывало Оно в этом, то не могло бы и употребить. Если же допускаем, что Слово пребывает и в целом и в частях: что невероятного, если Оно, в чем пребывает, в том и являет Себя? Если бы Слово, всецело пребывая Своими силами в каждой твари и во всех тварях, и всё приводя в наилучшее благоустройство, восхотело вещать и соделать ведомым Себя и Отца Своего чрез солнце, или луну, или небо, или землю, или воды, или огонь, то никто не сказал бы, что действует Оно несообразно, потому что Оно содержит всё в совокупности, и как во всем, так и в каждой части пребывает и невидимо являет Себя. Так ничего нет несообразного, если Оно, приводя в благоустройство вселенную и всё оживотворяя, и восхотев соделать Себя ведомым чрез людей, в орудие к явлению истины и к сообщению ведения об Отце, употребило человеческое тело, потому что и человечество есть часть целого. И как ум, пребывая в целом человеке, дает о себе знать частью тела, то есть языком, и никто не скажет, чтобы этим умалялась сущность ума, так, если Слово, пребывая во всем, употребило в дело человеческое орудие, то это не должно казаться несообразным. Ибо если, по сказанному, неприлично Слову — употребить орудием тело, то неприлично — быть Ему и в целом.

43) Если спросят: почему же явил Себя не в других лучших частях твари, и в орудие употребил не что-либо лучшее, например: солнце, или луну, или звезды, или огонь, или эфир, но одного человека? — то пусть знают, что Господь пришел не показать Себя, но врачевать и научить страждущих. Ибо явиться только и поразить зрителей — значило бы прийти напоказ. Врачующему же и обучающему свойственно было не просто прийти, но послужить к пользе имеющих нужду в помощи и явиться так, чтобы это было стерпимо для нуждающихся и чем-либо превосходящим потребности страждущих не были приведены в смущение требующие помощи, от чего и Божие пришествие соделалось бы для них бесполезным. Никакая тварь не заблуждала в понятиях о Боге, кроме одного человека. Конечно, ни солнце, ни луна, ни небо, ни звезды, ни вода, ни эфир не изменяли своего чина, а напротив того, зная Создателя своего и Царя — Слово, они пребывают, какими созданы; только люди уклонились от добра, вместо истины измыслили себе не сущее, и честь, подобающую Богу, также ведение о Нем, перенесли на бесов и на людей, изваянных из камней. Поелику оставить это без призрения — недостойно было Божией благодати, люди же не в состоянии были познать Бога, Который правит и властвует во вселенной, то справедливо в орудие Себе берет часть целого — человеческое тело, и пребывает в нем, чтобы, когда не могли познать Его в целом, познали хотя в части: и когда не могли усмотреть невидимой Его силы, пришли в состояние дойти до сего умом хотя чрез заключение от подобного; потому что людям, по причине

сходственного тела и совершённых чрез него Божиих дел, скорее и ближе можно познать Отца Его, рассудив, что совершённые Им дела суть не человеческие, но Божии. И если, по словам язычников, не сообразно было Слову открывать Себя в делах телесных, то та же была бы несообразность, если бы познавали Его из дел вселенной. Как пребывая в твари, Слово не приобщается ничему тварному, а напротив того, содержит всё силой Своей, так, и употребив орудием тело, не приобщилось Оно ничему телесному, а напротив того, Само осватило и тело. Если и Платон, которому удивляются эллины, говорит: «произведший мир, видя, что он обуревается и в опасности — погрузиться в область неподобия, сев у кормила души, помогает и исправляет все ошибки», что невероятного в утверждаемом нами, а именно, что Слово, когда человечество впало в заблуждение, воссело при нем и явилось человеком, чтобы обуреваемое человечество спасти Своим управлением и благостью?

44) Но, может быть, язычники и согласятся на это от стыда, однако же пожелают утверждать, что Богу, когда восхотел вразумить и спасти людей, надлежало совершить это одним мановением, как соделал то древле, когда создал мир из ничего, но не должно было Слову Его касаться тела. — На это возражение их кстати будет сказать следующее: Древле, когда еще вовсе ничего не существовало, для создания вселенной потребно было одно мановение и изволение. Когда же человек создан, и нужда потребовала у врачевать не то, чего не было, но что уже сотворено, тогда Врачу и Спасителю следовало прийти к сотворенному уже, чтобы у врачевать существующее. Посему-то соделался Он человеком и в действие употребил человеческое орудие — тело. А если бы надлежало употребить не этот способ, то как иначе должно было прийти Слову, когда пожелало Оно действовать орудием? Или откуда должно было взять это орудие, как не из того, что сотворено уже и имело нужду в Божестве Его, по причине подобия? В спасении имело нужду не что-либо несуществующее, для чего достаточно было бы одного повеления; напротив того, растлен был и погибал сотворенный уже человек. Посему-то Слово справедливо и прекрасно употребило человеческое орудие и открыло Себя во всем.

При этом должно еще знать, что происшедшее растление было не вне тела, но в нем самом началось, и нужно было — вместо тления привить к нему жизнь, чтобы как смерть произошла в теле, так в нем же произошла и жизнь. Если бы смерть была вне тела, то и жизни его надлежало бы произойти вне. Если же смерть привилась к телу и, как в нем пребывающая, возобладала им, то нужно было и жизни привиться к телу, чтобы, облекшись в жизнь, свергло оно с себя тление. Иначе, если бы Слово было вне тела, а не в самом теле, то, хотя смерть естественным образом была бы побеждена Словом (потому что смерть не в силах противиться жизни), но тем не меньше оставалось бы в теле начавшееся в нем тление. Посему Спаситель справедливо облекся в тело, чтобы, по привитии тела к жизни, не оставалось оно более в смерти, как смертное, но, как облекшееся в бессмертие, по воскресении пребывало уже бессмертным. Ибо, однажды облекшись в тление, не воскресло бы оно, если бы не облеклось в жизнь. И еще: поелику смерть могла явиться не сама по себе, а только в теле, то Слово облеклось для сего в тело, чтобы, обретши смерть в теле, истребить ее. Ибо вообще, как показал бы Господь, что Он — Жизнь, если бы не оживотворил мертвенного? Если кто не допустит огня до соломы, которая по природе своей истлевет от огня, то солома, хотя не сгорает, однако же все еще остается соломой, и огонь не перестает ей угрожать; потому что, по природе своей, истребитель он для соломы. Но если кто обложит соломой большим количест-

вом каменного льна, который, как сказывают, противодействен огню, то солома уже не боится огня, находя для себя безопасность в не-сгораемой оболочке. То же самое можно сказать о теле и о смерти. Если бы повеление только не допускало смерть до тела,—оно тем не меньше, по общему закону тел, оставалось бы смертным и тленным. А чтобы не было этого,—облечено тело в бесплотное Божие Слово и таким образом не боится уже ни смерти, ни тления, потому что имеет ризой жизнь и уничтожено в нем тление.

45) Итак, сообразно с целью, Божие Слово восприяло на Себя тело и употребило человеческое орудие, чтобы и тело оживотворить, и как в твари познается Оно из дел, так действовать и в человеке, и явить Себя повсюду, ничего не оставив лишенным Божества Своего и ведения о Себе. Ибо, опять повторяю то же, возвращаясь к прежнему, а именно: Спаситель соделал это, чтобы как Он, присутствуя всюду, всё наполняет, так и всё исполнилось ведения о Нем, о чем говорит и божественное Писание: *исполнися вся земля ведения Господня* (Ис. 11, 9). Ибо, если кто захочет воззреть на небо,—пусть увидит благоустройство его. А если не может взирать на небо, проникает же только взором на людей,—пусть видит силу Его в делах, несравнимую с силами человеческими, и познает среди человеков сего единого Бога — Слово. Если же кто совращен демонами и им удивляется, то пусть видит, как Он изгоняет демонов, и заключит из этого, что Он — Владыка и демонов. Если кто погружен в водное естество и думает, что это — бог (как египтяне чествуют воду), то пусть видит, как Он претворяет воду, и познает, что Господь — Творец вод. Если кто и во ад низойдет, и снисшедшим туда героям будет дивиться, как богам, то пусть видит Его воскресение и победу над смертью и заключит, что и в них один Христос есть истинный Господь и Бог. Господь коснулся всех частей твари, освободил вселенную от всякой прелести и обличил, как говорит Павел: *совлек начала и власти, изобличи на Кресте* (Кол. 2, 15), чтобы никто уже не мог обмануться, но повсюду находил истинное Божие Слово. Так человек отвсюду заключенный, и везде, то есть на небе, во аде, в человеке, на земле, видя раскрытое Божество Слова, не обманывается уже в рассуждении Бога, но поклоняется единому Слову и чрез Него достаточно познаёт Отца.

В этих рассуждениях представлены нами причины, которыми язычники справедливо должны быть постыжены. Если же и их не почитают достаточными к своему посрамлению, то в утверждаемом пусть уверит их, по крайней мере, то, что всякий видит у себя пред глазами.

46) Когда люди начали оставлять служение идолам? Не с того ли времени, как явился среди человеков истинный Бог — Божие Слово? Когда, и у эллинов и повсюду, умолкли и опустели прорицалища? Не тогда ли, как Спаситель явил Себя даже на земле? Когда о так называемых стихотворцами богам и героях стали рассуждать, что они — только смертные люди? Не с того ли времени, как Господь восторжествовал над смертью и воспринятое Им на Себя тело соблюл нетленным, воскресив его из мертвых? Когда пренебрежены демонская прелесть и беснование? Не тогда ли, как Слово, — Божия Сила, Владыка всех и самых демонов, снисшедши ради человеческой немощи, явился на земле? Когда стали попираť и искусство и училища волшебства? Не после ли того, как было среди людей Богоявление Слова? И вообще, когда объюродела эллинская премудрость? Не тогда ли, как явила Себя на земле истинная Божия Премудрость? В древности вся вселенная и всякая страна предавалась заблуждению, служа идолам, и люди кроме идолов ничего иного не признавали богами. Теперь же в целой вселенной люди оставляют суеверное служение идолам, притекают ко Христу, Ему поклоняются как Богу, чрез Него познаёт и От-

ца, Которого не ведали. И что удивительно: тысячи были различных чтилищ, каждое место имело своего особенного идола, и этот, так называемый ими, бог не в состоянии был перейти на ближайшее место, чтобы убедить и живущих по соседству его же чествовать; но и в своем месте едва был чтим всеми, никто же другой не воздавал чести соседнему богу, а каждый берег собственно своего идола, его почитая господом всех; только Христос — у всех один; везде поклоняются тому же Христу, и чего не могла сделать идольская немощь, то есть убедить хотя по близости живущих, то совершил Христос, убедив не только близких, но и всю вообще вселенную, чествовать одного и того же Господа, а чрез Него — и Бога Отца Его.

47) В древности все было наполнено прелестью прорицаний; прорицалища в Дельфах, в Додоне, в Беотии, в Ликии, в Ливии, в Египте, в Кавирах, и Пифия, во мнении людей, составляли предмет удивления. Ныне же, после того, как возвещается всюду Христос, прекратилось их умоиступление и нет уже у них прорицающего. В древности демоны обольщали людей призраками, поселялись в источниках, или реках, или деревьях, или камнях, и такими обаяниями приводили в изумление несмысленных; ныне же, по божественном явлении Слова, мечтания их прекратились, потому что человек, употребив только одно крестное знамение, отражает от себя их прелесть. В древности почитали люди богами, и по заблуждению чествовали, именуемых у стихотворцев, Зевса, Крона, Аполлона и героев; ныне же, по явлении между человеками Спасителя, они оказались смертными людьми, один же Христос признается у людей истинным Богом, от Бога Богом Словом. Что же сказать о волшебстве, возбуждавшем у них такое удивление? До пришествия Слова было оно и сильно и действенно у египтян, у халдеев, у индов и приводило зрителей в изумление, но с пришествием Истины и явлением Слова и оно обличено и совершенно упразднено. Об эллинской же мудрости и о велеречии философов, думаю, никто и не потребует у нас слова, потому что чудо это — в глазах у всех. Столько писали мудрецы эллинские, но и малого числа людей из близких к ним мест не могли уверить в бессмертии и убедить к добродетельной жизни. Один Христос не высокими речениями, чрез людей не мудрых в слове, в целой вселенной многочисленные собрания людей убедил пренебрегать смертью, помышлять же о бессмертном, презирать временное, взирать же на вечное, славу на земле вменять ни во что, возделывать же одной небесной славы.

48) Все же утверждаемое нами не на словах только опирается, но имеет свидетельство истины в самом опыте. Ибо, кому угодно, пусть придет и рассмотрит ясные черты добродетели в Христовых девах и юношах, в чистоте соблюдающих целомудрие, а также — веру в бессмертие в толиком сонме Христовых мучеников. А кто сказанное пред этим хочет изведать собственным опытом, тот пусть придет, и против демонского мечтания, против прелести прорицаний, против чудес волшебства употребит знамение осмеиваемого ими креста, и произнесет только имя Христово; тогда увидит, как демоны обращаются им в бегство, прорицания прекращаются, всякое волшебство и обаяние уничтожается.

Итак, кто же и какой силой облечен — сей Христос, Который Своим именем и присутствием повсюду затмил все и упразднил, Один превозмогает всех, и целую вселенную наполнил Своим учением? Пусть дадут на это ответ эллины, которые так много насмеяются и не стыдятся того. Если Он — человек, то как же один человек преодолел силу всех их богов и Своей силой сделал явным, что они — ничто? Если же назовут Его волхвом, то возможное ли дело, чтобы волхвом было уничтожено, а не скорее — поддержано, всякое волшебство? Если бы победил нескольких волхвов или превзошел только одного, то

в праве были бы они подумать, что превосходством своего искусства превзошел искусство других. Если же над всяким вообще волшебством и над самым именем его одержал победу крест Христов, то явно, что не волхв был Спаситель, пред Которым, как пред своим Владыкой, обращаются в бегство демоны, призываемые в помощь другими волхвами. Кто же Он? Пусть скажут эллины, которые о том только прилагают старание, чтобы осмеять. Может быть, осмелятся сказать, что был демон, а потому и имел силу? Но утверждающие это весьма достойны осмеяния, и их можно посрамить прежними доводами. Ибо как быть демоном тому, кто изгоняет демонов? Если бы просто изгонял демонов, то можно бы еще подумать, что от князя бесовского получил власть над низшими бесами, как говорили иудеи, ругаясь над Христом. Если же именем Его отражается и изгоняется всякое демонское беснование, то очевидно, что и в этом они обманываются и что Господь наш и Спаситель Христос имел не какую-либо демонскую, как думают они, силу. А если же Спаситель — не просто человек, и не волхв, и не какой-либо демон, упразднил же и затмил Божеством Своим и гадания стихотворцев, и бесовскую прелесть, и эллинскую мудрость, то явно, и да будет всеми признано, что истинно Божий Он Сын, Слово, Премудрость и Сила Отчая. Посему-то и дела Его — не дела человеческие, но выше человека, и действительно, как по самой видимости, так и по сравнению их с делами человеческими, должны быть признаны делами Божиими.

49) Ибо кто из бывших когда-либо людей от единой девы образовал себе тело? Или кто из людей врачевал когда-либо болезни, подобные тем, от которых исцелял общий всем нам Господь? Кто исправлял природные недостатки и слепому от рождения давал зрение? У них Асклепий обоготворен за то, что упражнялся во врачебном искусстве и против телесных страданий придумал травы, не сам производя их из земли, но отыскав с помощью естествознания. Что же это значит в сравнении с делами Спасителя? Не язвы исцелял Он, но как бы вновь рождал и восстанавливал тело. Эллины Гераклу, как богу, поклонялись за то, что сражался с равными себе людьми и хитростью умерщвлял зверей. Что же значит это в сравнении с тем, что совершено Словом? Оно (Слово) изгоняло из людей болезни, бесов и самую смерть. Божеские почести воздают они Дионису за то, что был у людей наставником пьянства; а истинный Спаситель, Господь вселенной, учивший целомудрию, осмеивается ими! Но оставим это; что скажут они о других чудесах Божества Его? Какой человек умирал, и солнце оттого омрачалось, земля колебалась? Вот доньше умирают люди и прежде умирали; бывало ли же когда при чьей смерти подобное чудо?

Но оставляю дела, совершённые Им в теле, и упомяну о том, что соделано Им по воскресении тела Его. Когда бывал человек, которого бы учение от края до края земли, одно и то же, превозмогало повсюду, а потому и чествование Его распространялось по всей земле? Или, если Христос, как говорят они, есть человек, а не Бог — Слово, то почему же боги их не воспретят, чтобы чествование Его проникало и в те страны, где им поклоняются? Напротив того, Слово, куда ни приходит, везде учением Своим прекращает служение этим богам и посрамляет их мечтания.

50) Много прежде Него было царей и мучителей на земле, много, по сказанию истории, было мудрецов и волхвов у халдеев, у египтян и у индов. Кто же из них, не говоря — по смерти, но даже при жизни своей, мог иметь такую силу, чтобы учением своим наполнить ему всю землю и от идольского суеверия отвратить такое множество людей, какое Спаситель наш привлек от идолов к Себе? Эллинские философы написали многое с убедительностью и искусством в слове, но

что же доказали они так, как доказал крест Христов? Мудрования их до кончины их нравились людям, но и то, чем, по-видимому, превозмогали они при жизни, составляло между ними предмет спора, и они состязались, ухищряясь друг против друга. Божие же Слово (что всего удивительнее), преподав учение Свое в выражениях бедных, затмило самых мудрых и, всех привлекая к Себе, обратило учения их в ничто, наполнило же церкви Свои. И чудное дело,—Господь, приняв смерть как человек, обратил в ничто велеречие мудрых об идолах! Чья смерть изгоняла когда-либо демонов? И чьей смерти боялись когда-либо демоны, как смерти Христовой? Где только произносится имя Спасителя,—изгоняется там всякий демон. Кто же в такой мере укротил в людях душевные страсти, что и блудники живут целомудренно, и человекоубийцы не владеют более мечом, и прежде боязливые делаются мужественными? И вообще кто убедил варваров и разные языческие народы отложить свое неистовство и помышлять о мире? Не вера ли Христова, не крестное ли знамение? Кто же иной уверил так людей в бессмертии, как крест Христов и воскресение тела Христова? Всякую ложь соплетали язычники, однако же не могли выдумать воскресения своих идолов; они вовсе и не помышляли даже о возможности телу снова существовать по смерти; и этим особенно иной станет доказывать язычникам, что таким образом мыслей изобличали они немощь своего идолослужения и уступили власть Христу; так что и в этом для всех виден Божий Сын.

51) Кто же из людей, по смерти или даже при жизни своей, учил девству, а не думал, что добродетель эта невозможна в людях? Спаситель же наш и Царь всех Христос столько силен в учении о девстве, что и дети, не достигшие еще законного совершеннолетия, сверх закона дают обет девства. Кто из людей мог когда-либо обойти столько стран, быть у скифов, у эфиопов, или у персов, или у армян, или у готфов, или у так называемых заокеанных народов, или у живущих далее Гиркании, или вообще ходить и к египтянам, и к халдеям, к народам, преданным волшебству, сверх меры суеверным, свирепым нравами, и везде проповедовать добродетель, целомудрие, восставать против идолослужения? Общий же всех Господь, Божия Сила, Господь наш Иисус Христос, не только проповедовал чрез учеников Своих, но и убедил сердца людей отложить свирепость нравов, не чтить более отеческих богов, познать же Его единого, и чрез Него научиться чествовать Отца. В древности эллины и варвары, служа идолам, вели между собой войны и были жестоки к родным. По причине взаимных непримиримых ссор никому вообще невозможно было идти ни сушей, ни морем, не вооружив руки мечом; целую жизнь проводили они вооруженно, и меч служил им опорой вместо жезла и всякой помощи. И хотя служили они идолам, как сказал я, и совершали возлияния демонам, однако же идольское суеверие не могло научить их смягчению суровых нравов. Когда же приняли они Христово учение, тогда чудным образом, как бы в умиление пришли сердца их, и отложили они кровожадную жестокость, не думают уже о войнах, но все у них мирно, везде видно расположение к дружелюбию.

52) Кто же произвел все это? Кто ненавидевших друг друга соединил союзом мира? Кто, как не возлюбленный Отчий Сын, общий всех Спаситель, Иисус Христос, Который по любви Своей совершил все для нашего спасения? Еще издревле предречено было о восстановлении Им мира, когда Писание говорит: *раскуют мечи своя на орала, и копия своя на серпы, и не возмет язык на язык меча, и не навывнут ктому ратоваться* (Ис. 2, 4). И в этом нет ничего невероятного; даже и ныне варвары, по врожденной грубости нравов, пока приносят еще жертвы своим идолам, неистовствуют друг против друга, и ни часа не могут пробыть без оружия, но как скоро слышат Христово

учение, тотчас оставив войны, обращаются к земледелию, и руки свои не мечом уже вооружают, но простирают на молитву, и вообще не друг с другом воюют, но вооружаются на диавола и демонов, поборая их целомудрием и душевною доблестию.

Все же это, как служит признаком Божества Спасителя (ибо чему люди не могли научиться у идолов, тому научились они у Спасителя), так не маловажное заключает в себе обличение бессилия и ничтожества демонов и идолов. Ибо демоны, зная бессилие свое, в древности возбуждали людей к междоусобиям, для того именно, чтобы, по прекращении взаимной вражды, не обратились они к борьбе с демонами. И действительно, ученики Христовы, не ведая войн между собой, и нравами и добродетельною жизнью ополчаются против демонов, и преследуют их, и посмеиваются над вождем их диаволом; потому что в юности они целомудренны, в искушениях воздержны, в трудах терпеливы, оскорбляемые охотно переносят обиды, лишаемые небрегут о сем и, что всего удивительнее, пренебрегают смертью и делаются Христовыми мучениками.

53) И еще скажу об одном весьма чудном признаке Божества Спасителя. Какой вообще человек, волхв ли, мучитель ли, царь ли, мог когда-либо сам собой вступить в борьбу с таким числом противников, и когда все виды идолослужения, все демонское воинство, вся чародейная наука, вся эллинская мудрость были во всей еще силе, процветали и всех приводили собой в изумление,— всему этому противостать, и все это низложить одним ударом, как совершил сие Господь наш, истинное Божие Слово? Он, избличая невидимо заблуждение каждого, один у всех врагов исхитил всех людей; и поклонявшиеся идолам попирают уже их, дивившиеся волшебствам созидают чародейные книги; мудрецы предпочитают всему истолкование Евангелия, и кому кланялись, тех оставляют, а над Кем посмеивались как над распятым, Тому поклоняются, исповедуя Его Христом Богом; именовавшиеся у них богами изгоняются крестным знаменiem, распятый же Спаситель в целой вселенной именуется Богом и Божиим Сыном; боги, которым поклонялись эллины, осуждаются ими как скверные, приявшие же Христово учение — по жизни целомудреннее тех богов. Ежели все это и подобное этому есть дело человеческое, то пусть, кто хочет, доказывает и убеждает, что то же было и прежде. Если же все это не человеческим, но Божиим оказывается делом, и действительно есть дело Божие, то для чего столько нечествуют неверующие, не признавая соделавшего это Владыку? Они в таком же заблуждении, как и человек, который из дел творения не познает Зиждителя их Бога. Ибо если бы познали Божество Его по тем силам, какие явлены Им во вселенной, то уразумели бы, что и телесные дела Христовы суть не человеческие, но свойственные только Спасителю всех — Божию Слову. Уразумев же это, как сказал Павел, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8).

54) Как желающий узреть Бога, по самому естеству невидимого и вовсе не подлежащего зрению, познаёт и постигает Его из дел, так и тот, кто не усматривает умом своим Христа, пусть уразумевает Его из дел телесных и пусть исследует, человеческие ли, или Божии это дела. И если человеческие, то пусть смеется, а если не человеческие, но Божеские, то пусть признает это, и не смеется уже над тем, что не должно быть осмеиваемо, но лучше — подивится, что посредством уничтоженного явлено нам божественное, чрез смерть распростерлось на всех бессмертие, и чрез вочеловечение Слова дознаны и промышление о всех и Содетель и Зиждитель оного — само Божие Слово. Оно вочеловечилось, чтобы мы обожились; Оно явило Себя телесно, чтобы мы приобрели себе понятие о невидимом Отце; Оно претерпело поругание от людей, чтобы мы наследовали бессмертие. Само Оно ни в чем не

понесло ущерба, потому что бесстрастно, нетленно, есть источное Слово и Бог; страждущих же человеков, ради которых и претерпело это, соблюло и спасло Своим бесстрастием. И вообще заслуги Спасителя, совершённые чрез вочеловечение Его, столь велики и многочисленны, что пожелать изобразить их — значило бы уподобиться человеку, который устремил взор на морскую пучину и хочет перечесть ее волны. Как невозможно объять глазами всех волн, потому что чувству покусившегося на это представляются непрестанно новые и новые волны, так и намеревающемуся объять умом все заслуги, совершённые Христом в теле, невозможно даже вместить их в помысл, потому что вновь представляющиеся мыслям его — гораздо многочисленнее тех, которые, как думает он, объял уже мыслью. Посему лучше не отваживаться говорить о всех вообще заслугах Христовых, когда и части их изобразить невозможно, но упомянуть еще об единой, и предоставить себе самому удивляться всем в совокупности, потому что все они равно удивительны, и куда бы ни обратил кто взор, повсюду его в изумление приводит Божество Слова.

55) Итак, после сказанного, достойно твоего изучения, и должно быть положено тобою в основание всему говоренному, и возбудить особенное в тебе удивление, что с пришествием Спасителя идолослужение уже не возрастало, и остающееся доселе умаляется и постепенно прекращается, также и эллинская мудрость не оказывает уже успехов, но и оставшаяся доселе наконец исчезает, демоны не обольщают уже мечтаниями, прорицаниями, волшебствами, но едва только отваживаются и покушаются на это, как бывают посрамлены знаменем креста. Короче же сказать, обрати внимание на то, что Спасителево учение повсюду растет, всякое же идолослужение и все противоборствующее вере Христовой ежедневно умаляется, ослабевает и падает, и, вникнув в это, поклонись общему всех Спасителю, всемогущему Божию Слову, и осуди то, что им умалено и обращается в ничто. Как с явлением солнца тьма не имеет уже силы, но если и оставалась еще где, изгоняется повсюду, так, по божественному явлению Божия Слова, не имеет уже силы идольская тьма, но все части вселенной озаряются повсюду Его учением. Если царь не показывается в какой-либо области, но безвыходно остается у себя в доме, то нередко бывает, что люди мятежные, употребив во зло затворничество царя, присваивают себе его имя, и каждый, приняв на себя вид царя, обольщает простодушных, а люди вводятся в обман именем, слыша, что царь есть, между тем как они не видят его, по совершенной невозможности войти к нему в дом. Но когда придет и покажет себя настоящий царь, тогда мятежники, обольщавшие народ, обличаются его появлением, люди же, видя настоящего царя, оставляют тех, которые обманывали их прежде. Так и демоны в древности вводили людей в заблуждение, себе присвояя божескую честь, но как скоро Божие Слово явилось во плоти и открыло нам Отца Своего,—демонская прелесть уничтожается и прекращается; люди же, взирая на истинное Отчее Слово и Бога, оставляют идолов и признают уже истинного Бога. А это служит признаком, что Христос есть Божие Слово и Божия Сила. Поелику человеческое прекращается, пребывает же глагол Христов, то явно для всех, что прекращающееся — временно, а пребывающий есть Бог и Сын Божий, истинное единое Слово.

56) Это должен был я предложить тебе, христолюбец, вкратце, сколько нужно для первоначального изображения и начертания Христовой веры и божественного Христова к нам пришествия. Если же это послужит для тебя поводом — самому читать Писания и вникнуть в настоящий их смысл, то из сказанного в Писаниях узнаешь более полные и ясные подробности того, что сказано мной; потому что Писания изглаголаны и написаны Богом чрез мужей богомудрых, а я сообщил

твоему любоведению, чему научился у богодухновенных учителей, читавших эти Писания и соделавшихся свидетелями Божества Христова.

Из этих же Писаний узнаешь и о втором Христовом, славном и вонстину божественном, к нам паки пришествии, когда Христос придет уже не в унижении, но во славе Своей, не в смирении, но в свойственном Ему величии, придет не пострадать, но воздать, наконец, всем плод Креста Своего, то есть воскресение и нетление. И уже не судится Он, но Сам судит всех, *яже кийждо с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10), в то Свое пришествие, в которое добрым уготовано царство небесное, а делавшим худое — огонь вечный и тьма кромешная. Ибо так говорит сам Господь: *глаголю вам, отседе узрите Сына Человеческого сидящего одесную силы, и грядуща на облаках небесных* (Мф. 26, 64) во славе Отчей. Посему-то спасительное слово приуготовляет нас ко дню сему, и говорит: *будьте готови* (Мф. 24, 44), и: *бдите, яко не весте, в кий час придет* (42). Ибо, по слову блаженного Павла, *всем явится нам подобает пред судищем Христовым, да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10).

57) Но для исследования и истинного уразумения сказанного в Писании потребны хорошая жизнь, чистая душа и христоподражательная добродетель, чтобы ум, преуспев в этом, был в состоянии достигать желаемого и приобретать оное, в какой только мере естеству человеческому возможно познание о Божием Слове. Ибо без чистого ума и без подражания жизни святых никто не возможет уразумевать словеса святых. Кто пожелает видеть солнечный свет, тот, без сомнения, протрет и ясным сделает глаз свой, доведя себя почти до одинаковой чистоты с тем, что желает видеть, чтобы таким образом глаз сам стал светом и увидел солнечный свет. Или, кто пожелает осмотреть город или страну, тот, без сомнения, для осмотра сего отправится на самое место. Так и желающему постигнуть мысль богословов должно предпочистить и убелить душу жизнью, и уподоблением в делах святым приблизиться к ним, чтобы, ведя одинаковый с ними образ жизни, уразумевать и откровенное им Богом и, наконец, как бы соединившись с ними, избежать греховных опасностей и огня за грехи в день суда, воспринять же блага, предназначенные святым в небесном царстве: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог* живущим добродетельно, и любящим Бога и Отца (1 Кор. 2, 9) о Христе Иисусе Господе нашем. Им и с Ним самому Отцу совоюкупно с Сыном в Духе Святом честь, держава и слава во веки веков! Аминь.